

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ТОРПЕДОЙ - ПЛИ!

Петр Заспа

WUNDERLAND

ОБЕТОВАННАЯ

За Родину!

ВОЛШЕБНАЯ ЗЕМЛЯ.
WUNDERLAND

«КРЫЛОВ»

Петр Заспа
Wunderland обетованная
Серия «Торпедой – пли!», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947505
Заспа П. Wunderland обетованная: ИК «Крылов», ; СПб; 2012
ISBN 978-5-4226-0198-1

Аннотация

Она исчезла с радаров в 2011 году.

И – появилась в 1942-м.

Российская атомная подводная лодка «Дмитрий Новгородский» продолжает боевой поход – уже в другом времени. Подводный крейсер становится грозным оружием в борьбе против флота Третьего Рейха.

Операцию «Wunderland» проводит профессор Эрнст Шеффер. «Wunderland» – одна из главных надежд Третьего Рейха на победу в войне. Гитлер без колебаний выделил для операции тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер». Секретная немецкая база «Wunderland» находится на северной оконечности Новой Земли. Просто так базу не обнаружить. Но волею случая старпом российского атомохода Долгов оказался на берегу, в Мурманске. И там судьба столкнула его с профессором Шеффером, оберштурмфюрером СС, любимцем Гиммлера, авантюристом и шпионом...

А ситуация вокруг подлодки накаляется. За ней охотятся все. И советские корабли в том числе. Сам Берия прибывает в Мурманск, чтобы лично возглавить охоту на субмарину-призрак...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвёртая	27
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пётр Заспа

Wunderland обетованная

Глава первая

Земля Александры

Сначала было слово. За словом было дело. А перейдя от слов к делам праведным и неправедным, человек придумал мир, войну, любовь и ненависть. Дальше – больше. Движимое инстинктом самосохранения, человечество принялось облачать главные свои чувства в бронзовые доспехи, затем в стальные панцири, потом их заменила кевларовая броня. Дубина в волосатых руках сменилась железным мечом, затем опять дубиной, но уже ядерной. Границ собственного поселения не хватало, и человек полез туда, где уважающий себя микроб ещё десять раз подумал бы, прежде чем объявить эту среду зоной своего обитания. Но то микроб. А человек, как существо жадное, да ещё и любопытное, всегда закроет глаза на временные неудобства. Да и на пожизненные неудобства тоже. Не беда, что вокруг вечная мерзлота. Зато в лёд можно забить кол и гордо заявить – этот айсберг теперь мой! Плевать, что этот кусок льда ещё раз в жизни можно и не увидеть. Но как приятно греет душу мысль, что где-то он плавает, где-то торчит из воды его острый бивень и, может, даже вспорот брюхо зазевавшемуся кораблю. А нечего лезть на моё, на родное!

Что из себя представляет Земля Александры, и как она выглядит, никто толком сказать бы не смог. Но с твёрдой уверенностью каждый заявлял: она моя! Всякий чертил на карте линии границ, так, как ему хотелось, и до хрипоты кричал: «Не смей! Там когда-то моя нога потопталась! Это моё!»

Так поступали крикуны. Те, кто был поумнее, просто приходили сюда и молча чувствовали себя здесь хозяевами.

Атомоход «Дмитрий Новгородский», удерживая на экране локатора метку цели, уже несколько часов шёл за следовавшей курсом на архипелаг Земля Франца-Иосифа немецкой подводной лодкой. Чувствуя себя в полной безопасности, субмарина под развевающимся флагом Кригсмарине шла, не скрываясь, и её радист непрерывно вёл связь с невидимым абонентом, находившимся где-то рядом.

Командир Дмитрий Николаевич Журба не покидал мостик и через плексигласовый иллюминатор наблюдал за проплывавшими навстречу обломками льдин. Вдалеке по курсу взлетела в небо ракета с невидимой немецкой лодки.

Командир проводил взглядом красный огонёк и вызвал на связь боевую часть связистов:

– Что говорят?

– Сейчас, товарищ командир! – отозвался командир связистов Володя Кошкин. – Отто ещё слушает. Сейчас будет переводить. Работают в УКВ диапазоне, второй радист должен быть совсем рядом. На прямой видимости.

Командир обернулся к уткнувшему нос в меховой воротник кожаной куртки штурману:

– Ты не определил, куда они идут?

– Если Кошкин говорит, что это где-то рядом, то это только остров Земля Александры. По курсу скоро появится.

– Земля Александры? Неужели там есть немцы? Странно... Знаю, что даже в наше время там ничего не было. Кажется, погранзаставу поставили, чтобы никто не забыл, что это русский архипелаг. А так – лёд да камни...

В ответ на красную ракету с лодки над чертой горизонта показался зелёный огонёк с невидимого берега. Зелёная звезда вспыхнула и тут же бесследно исчезла.

– Обменялись опознавательными сигналами, – прокомментировал штурман.

– Товарищ командир! – ожил динамик корабельной связи голосом Кошкина. – Отто прослушал переговоры, и вот что получается: лодка U-255 запрашивает у базы на берегу топливо для заправки и погрузку мин. Им ответили, что обеспечат всем необходимым и приказали швартоваться к пятому причалу. Там есть кран.

– Ого! – не сдержавшись, вскрикнул Дмитрий Николаевич. – Да у них здесь целый порт, если есть как минимум пять причалов, да ещё и с краном в придачу. Обнаглели немцы. Считай, под самым носом у наших обосновались.

Тусклое полярное солнце катилось над горизонтом и отражалось вишнёвым блином в застывших водах Северного Ледовитого океана. Показавшийся остров искрился, покрытый нетронутым изумрудным снегом. Несмотря на начало сентября, воздух замер, скованный десятиградусным морозом. Тишина стояла такая, что было слышно, как шелестит вода, омывая покатые борта лодки. Громкое слово разносилось вокруг оглушительным эхом.

Командир поморщился, сконфузившись от собственного выкрика, и тихо спросил штурмана:

– Что здесь с глубинами?

– До самого берега больше сотни.

– Хорошо. Давай вниз. Дальше пойдём под перископом.

Штурман, успев замёрзнуть в открытой для морозного воздуха рубке, нырнул в люк. Следом спустился командир. Оказавшись на центральном посту, рядом с расстеленной на столе картой, Дмитрий Николаевич указал пальцем на россыпь островов:

– Что про них знаешь?

– Знаю, что Земля Франца-Иосифа – это роддом белых медведей! – засмеялся в ответ штурман.

– А ещё лежище немецких подлодок. Как такое могло произойти, что они обосновались под самым носом у Северного флота?

– Командир, а чему ты удивляешься? Мы за месяц не встретили ни одного советского корабля, зато сколько видели немецких самолётов и даже эсминцев! Немцы чувствуют себя здесь, как дома. И оцени, как удобно! Пути караванов проходят совсем рядом.

Дмитрий Николаевич навалился животом на карту, всматриваясь в вытянутый контур острова. Земля Александры ничем не выделялась из множества островов архипелага. Разве что была его западной оконечностью. Масштаб карты не позволял рассмотреть детали, и командир быстро потерял к ней интерес.

– Пора посмотреть своими глазами, – пробормотал он и перешёл к тубусу перископа.

Оптика приблизила обрывистые берега, усеянные прибившимися глыбами льда. Кое-где чёрными пятнами темнели оголившиеся камни, но в основном всё было покрыто снегом и блестело на солнце, будто битое стекло. U-255 была уже рядом с берегом, и экипаж, выстроившись на палубе, размахивал руками, подбрасывая в воздух бескозырки. Дмитрию Николаевичу даже удалось рассмотреть в рубке немецкой субмарины белую фуражку командира. Затем, подкрутив резкость, он обследовал береговую линию и увидел вход в бухту. Узкий проход вглубь острова обозначался красными мигающими огнями. Дальше выглядывала мачта радиоантенны с обвисшим флагом Кригсмарине. Ещё дальше виднелись крыши двух зданий, как два сугроба, торчавшие в снежной пустыне.

– Ты прав, – командир обернулся к штурману. – Обосновались они здесь капитально. Как напказ, ни страха, ни сомнения.

– Что будем делать?

– Пока наблюдать.

Приблизившись к берегу на расстояние не больше мили, «Дмитрий Новгородский» завис под водой, выставив на поверхность блестящий глаз перископа. Издалека его вполне можно было принять за одну из дрейфующих вокруг льдин. Но немцам было не до созерцания моря. У причала кипела работа. Дмитрий Николаевич с интересом наблюдал, как к корпусу лодки присосались топливные шланги, а над кормой возникла стрела крана. Похожие на бочки мины выкатывались из тоннеля в скале и, раскачиваясь на тросах, исчезали в открытых люках лодки. Экипаж суетился на палубе, занятый погрузкой и скалыванием успевшего нарасти сверкающими сталактитами льда. Сосульки свисали с тросов антенн и тянулись с мостика на палубу белыми щупальцами. Ствол орудия превратился в заледеневший столб, и моряки били по нему ломami, сбивая сверкающие обломки. Так продолжалось не менее трёх часов. Вода в бухте парила, сопротивляясь морозу, и казалось, что лодка плывёт по облаку. Дмитрий Николаевич стряхнул усталость: а ведь она действительно плывёт! Глаза покраснели от напряжения. Командир поморгал, потёр веки пальцами и опять приник к окулярам.

Сомнений нет. Чёрная, на фоне снега, рубка двигалась к выходу бухты.

– Что? Даже чаю не попьёте? – пробормотал он озадаченно и, заметив вопросительный взгляд штурмана, пояснил: – Уходят.

Субмарина проскользнула мимо уткнувшихся в берег небольших ледяных гор и, задымив дизелями, рванулась в открытое море. Экипаж не торопился укрыться внутри лодки и, вытянувшись в шеренгу, наблюдал за удаляющимся островом.

– Как на параде, – процедил сквозь зубы штурман. Приникнув к перископу, он нервно задвигал желваками и неожиданно предложил: – А, может, торпеду?

Командир отрицательно качнул головой.

– Не будем мелочиться. Меня больше интересует это воронье гнездо. Взрыв переполошит базу, а нам шум ни к чему. Пусть уходят, а мы понаблюдаем за бухтой.

С уходом лодки огни на берегу погасли, стрела крана исчезла, и только вода продолжала парить, отдавая воздуху последнее тепло, принесённое далёким Гольфстримом.

Дмитрий Николаевич взглянул на хронометр. Ранее утро. Приход лодки разбудил береговую команду, и теперь все исчезли, лишь только лодка отошла от берега. О находящихся на берегу немцах напоминала лишь тонкая струйка дыма, тянувшаяся из трубы прилепившейся к самому краю воды деревянной избы. Командир задумался, уткнувшись лбом в тубус и повиснув на рукоятках перископа.

– Жаль, старпома нет! – обронил штурман, понимая сомнения командира. – Он бы предложил пойти да посмотреть. Отсюда в перископ много не увидишь.

– Ещё один умник нашёлся, – проворчал Дмитрий Николаевич. – Долгов довоевался, и ты туда же?

– Командир, а я что? Это просто мысли вслух! Я к тому, что надо или уходить, или высаживаться. Ничего больше в голову не приходит. А Толик вспомнился, потому что сегодня ровно два месяца, как он исчез.

При упоминании о старпоме Дмитрий Николаевич помрачнел и спрятал глаза в окулярах. Бесшабашная решительность Долгова иногда доводила командира до кипения, но и придавала твёрдости собственным решениям. Теперь, постоянно оглядываясь назад, он боялся потерять ещё кого-нибудь из членов экипажа, и каждый свой шаг взвешивал по несколько раз. Но в одном штурман был прав: одним созерцанием много не узнаешь, нужно на что-то решаться.

– Хорошо. Подбери мне группу человек десять. Да вооружи их получше. Сам поведу.

– Командир, а я подумал, что у нас армейский принцип – кто предложил, тот и делает?

– Останешься на лодке.

– Николаевич, ну разреши хотя бы на подхвате. Хоть патроны подносить! – принялся канючить штурман.

– Ну ты зануда! Ладно, готовь людей. Вместе пойдём.

– Есть, командир! – штурман шутливо козырнул, не по-военному приложив руку к голове без фуражки. – Пошёл готовить десант. Отберу самых отчаянных рэксов!

Дмитрий Николаевич мрачно посмотрел вслед. Взвалив на себя обязанности исчезнувшего старпома, штурман старался на него походить во всём. В выражениях, в жестах имитировал бесшабашную браваду Долгова, повторяя его слова.

Обойдя вход в бухту, «Дмитрий Новгородский» всплыл, прикрывшись от посторонних глаз снежной горой, разделившей остров на две части. Спасательная шлюпка замерла у борта, раскачиваясь под весом перепрыгивающих в неё матросов. Командир крепко хватал каждого за плечо, осмотрев экипировку, удовлетворённо кивал и давал добро занимать своё место в лодке.

– Не сомневайся, Николаич, я уже сам всех проверил, – подал голос стоявший рядом штурман. – Все как на подбор.

– По сколько магазинов выдал?

– По два. А надо было больше?

– Хватит. Немцев немного. Я двоих или троих всего видел. Видно, держат их здесь так, для проформы. Сторожа.

– А я и гранаты прихватил.

– Сказал же, немного их. Ну да ладно, вдруг пригодятся.

Прыгнув в шлюпку последним, Дмитрий Николаевич сбросил удерживающий конец и махнул гребти к берегу. Он заметил, что матросы совершенно не волнуются.

«У нас становится традицией изображать из себя десант, – подумал он. – Старпома нет, но дело его живёт».

Резиновая спасательная шлюпка бесшумно поплыла к берегу. Даже вёсла моряки научились опускать в воду тихо, без всплесков и лишних звуков.

Круглые борта заскрипели о прибрежный лёд, нос уткнулся в обмерзшие камни.

– Тихо, – приложил к губам палец командир. – Рассыпались и залегли.

Снег предательски заскрипел под ногами. Чёрные морские бушлаты смотрелись на белом снежном поле, как напоказ. «Смотрите все! Вы нас не ждали, а мы припёрлись!» Дмитрий Николаевич поморщился от такой несуразицы, но что-нибудь менять уже было поздно.

– Никому не вставать, – приказал он. – Ползём к гребню.

От спрессованного в твёрдый бруствер снега до избы с дымящейся трубой оставалось метров десять. Дмитрий Николаевич замер, соображая, что делать дальше. Рядом приподнял голову штурман.

– Командир, а у тебя план есть?

– Дай подумать.

– Без плана нельзя, – возмущённо прошептал штурман, затем грустно вздохнул: – Без плана у нас только старпом мог.

– Вот я и думаю, как бы сейчас поступил Долгов.

– А я знаю, что бы сделал Толик, – уверенно заявил штурман и вдруг встал в полный рост.

– Стой! Ложись! – зашипел на него командир.

Но штурман твёрдым шагом двинулся к избе, на ходу закинув автомат за спину. У двери он на секунду замер, затем запустил руки в карманы и вытащил два рифлёных яйца – гранаты Ф-1. Выдернув кольца, он прислушался к приглушённому разговору немцев и потянул на себя ручку двери. Затем бросил гранаты в щель, так, что все услышали, как они загремели

по деревянному полу, захлопнул дверь и бросился бежать к опешившему командиру. В избе кто-то закричал, звякнула упавшая на пол посуда. Не успел штурман сделать трёх шагов, как сзади ухнуло. Два взрыва, слившиеся в один, выбили дверь, и она полетела ему вслед. Рухнув лицом в снег, штурман удивлённо оглянулся, затем посмотрел на командира и неуверенно развёл руками:

– Как-то вот так...

Дмитрий Николаевич встал и передёрнул затвор. Издалека заглянув в тёмный проём, он, присмотревшись, опустил автомат:

– Й-о-о! Загляни, если сможешь.

Внутри изба была подсвечена рассыпавшимися углями из перевёрнутой буржуйки. Красные огоньки шипели в разлившейся на полу гигантской луже крови. Из-за косяка торчали перепачканные золой и алой кровью босые ноги. Тут же, выставив в потолок скрюченные пальцы, лежала оторванная кисть. Дмитрий Николаевич отвернулся.

– А что делать? – виновато пожал плечами штурман. – Чего их жалеть?

– Могли бы пленного взять.

– Да зачем он нужен? Толку от них.

– Ну, Отто же пригодился.

– Ну так то Отто, – штурман даже удивился, вспомнив, что его друг тоже немец.

– Я вот всё думаю, – командир посмотрел на раскрашенные в белый камуфляж стены избы. – Куда бы ты девал гранаты, если бы дверь оказалась изнутри закрыта?

– В окно! – уверенно ответил штурман, но, проследив за взглядом командира, понял всю глупость своего ответа.

Для сохранения тепла в избе было всего одно небольшое оконце и выходило оно на бухту, с другой стороны от двери.

– Да что гадать! Она ведь открыта была! Давай базу обойдём, вдруг кто-то ещё есть.

– Не думаю. На домах и на двери в скале замки висят. Но посмотреть, конечно, надо.

Командир обошёл стороной избу и окликнул штурмана:

– А я уверен, что ключи от замков там! – он кивнул на выбитое окно. – И возьмёшь их ты.

– Ну и возьму!

Штурман заглянул внутрь и отшатнулся, побледнев и сглотнув подкативший к горлу ком.

– Сколько их? – спросил Дмитрий Николаевич.

– Четверо.

– Ну что ж! Удачи тебе – найти сразу нужный карман. Карманы у них остались?

– Сейчас, сейчас, командир! – штурман отошёл в сторону и, зачерпнув ладонью снег, набил себе рот. – Сейчас отдышусь и возьму.

Командир подошёл к двери одного из домов и подёргал замок на двери. Капитальный. Такой сорвать не так-то просто. Придётся всё-таки штурману ключи искать, как бы он там ни мучался.

Дмитрий Николаевич осмотрелся вокруг. Конечно, обозвав базу портом, он погорячился. Единственный причал, у которого могла пришвартоваться лодка, это и был пятый. Остальные – деревянные и короткие, могли принять разве что небольшой катер или шлюпку. Построили их, очевидно, на скорую руку, когда сооружали базу. Но пятый причал был хорош. Бетонный. С рельсами для вспомогательной телеги, уходящими вглубь склада за стальной дверью. С нависающим над водой краном. Такой вполне мог принять их атомоход.

– Ну что, нашёл? – спросил он появившегося рядом штурмана.

– Нашёл.

Первый дом оказался даже не казармой, а, скорее, коттеджем, с холлом и небольшим баром. Дмитрий Николаевич насчитал около полутора сотен аккуратно заправленных деревянных коек. Во втором домике размещался штаб – комната с радиостанцией, столы с расстеленными картами Арктики и класс для подготовки экипажа к плаванию. Но больше всего командира поразил склад, вырубленный в монолитной скале и снаружи почти не заметный. Откатили в сторону бронированную дверь – одна из стен была выпуклой и представляла собой часть врытой в грунт огромной цистерны с шлангами и топливными кранами. На стеллажах рядами лежали торпеды. По другую сторону высились ящики и короба с продуктами. Дмитрий Николаевич спустился по ступенькам и очутился в небольшой, но хорошо оборудованной мастерской. Под яркой лампой стоял токарный станок, а чуть дальше – опутанный проводами сварочный аппарат. Командир почесал в затылке, присвистнул и усмехнулся выглянувшему из-за плеча штурману:

– Валентиныч будет доволен.

– Вот так немцы, – причмокнув, согласился штурман. – Я такого даже у нас, в Западной Лице, не видел. Нарыли нор в камнях, как кроты в саду.

Рядом со ступенями стояли этажерки с аккумуляторами и резервный дизель-генератор. Командир похлопал по крышке генератора с выдавленным орлом:

– Тепло, сухо, и мухи не кусают. Красота!

– Да, я бы здесь не прочь отдохнуть недельку-другую. Командир, может, и вправду, задержимся? Хоть землю под ногами, наконец, почувствовать...

– Можно и отдохнуть. Выставим охрану и радиолокационное дежурство, чтобы враг не застал. А то получится, как в сказке про Машу и медведей.

Дмитрий Николаевич пошёл вверх по ступеням к выходу.

– Ты здесь ещё осмотришься, а я на лодку. Будем швартоваться. Потом посоветуемся и решим, что дальше делать.

Морозный воздух обжёг лёгкие. Снег на солнце вспыхнул и ослепил глаза. Командир прикрыл их ладонью и увидел протоптанную тропу в обход избы и направился к берегу.

На причале всё было предусмотрено с немецкой пунктуальностью, и, пришвартовавшись, экипаж «Дмитрия Новгородского» перебросил с берега длинный стальной трап. Моряки высыпали на бетонный настил, затем, потянувшись гуськом к коттеджу и штабу. Главный механик Валентиныч, всё ещё прихрамывая после ранения, зашёл в помещение склада и в восхищении замер.

– Обалдеть! – только и смог он выговорить. – Сколько тут всего.

– Вот и я о том же, – поддакнул командир. – Ты ещё мастерскую внизу не видел.

Валентиныч посмотрел на ряды торпед и огорченно заметил:

– Жаль, столько добра пропадает. А у нас торпед осталось – по пальцам можно пересчитать.

– Да, надо с минёрами посоветоваться. Может, эти нам подойдут?

Дмитрий Николаевич оглянулся в поисках командира БЧ-3.

– Саша, подойди, взгляни!

Капитан-лейтенант Сачук оторвался от созерцания причала и подошёл к командиру. Не скрывая восхищения, он потрогал серую сигару и произнёс:

– Ух, ты! Я про такие в институте читал. Это классика всех торпед!

– А в наши торпедные аппараты они влезут? – поинтересовался Дмитрий Николаевич.

– Влезть-то влезут. Калибр пятьсот тридцать три миллиметра – мировой стандарт. Но у них система запуска и управления совсем иная, чем у нас. Да и короче они, чем наши.

– Ты толком скажи: можем мы ими пользоваться или нет?

– Товарищ командир, нужно посмотреть, какие у них разьёмы, как работают стартовые импульсы.

– Саша, не морочь мне голову. Неужели у тебя поднимется рука оставить всё это добро, когда у нас торпед почти не осталось? Ну разберись ты в этих импульсах и разъёмах! Если самому мозгов не хватает, возьми в помощь Максима, но нам нужны эти торпеды!

Командир БЧ-3 виновато кивнул и, окинув взглядом переполненные стеллажи, согласился:

– Да, нам бы их надолго хватило!

– Вот видишь! Ты уже начинаешь соображать. И перегрузить их к нам на лодку с помощью крана не так сложно.

Дмитрий Николаевич, довольный, что сумел озадачить главного минёра, остановился у ящиков с продуктами.

– Жаль, начпрода нет. Он бы здесь от счастья сознание потерял. И не думал бы, те разъёмы или не те!

Он вспомнил Мишу Хомина и помрачнел. Затем, выйдя во двор, посмотрел на зияющее чёрной дырой выбитое окно в избе и подумал, что нужно убрать погибших немцев с глаз долой. Матросы заглядывали внутрь и отбегали со вставшими дыбом волосами. В отсутствие замполита за моральным состоянием экипажа должен следить командир. Дмитрий Николаевич обернулся к штурману:

– Как ты там говорил? Армейский принцип? Кто сделал, тот и убирает?

– Да-да, командир. Я попозже...

На коротком совещании решили так: всё, что может пригодиться, перетащить на лодку. Что не нужно – сжечь или взорвать, чтобы не осталось немцам. Да и саму базу следовало уничтожить. Но прежде всего нужно было несколько дней отдохнуть. Они были в море уже четвёртый месяц, и дать морякам перевести дух было просто необходимо.

– Но! – назидательно поднял вверх палец командир. – Вахту наблюдения установить круглосуточную. Ночевать на лодке. Дальше домов по острову не расползаться!.

На том и порешили.

Первые три часа энтузиазм не затихал, и стрела крана безостановочно переносила на лодку отобранный груз. Затем окоченевшие на морозе моряки сникли, и постепенно причал опустел. Солнце, прокатившись по горизонту, остановилось на севере, обозначив ночное время. Теперь за территорией базы наблюдал только оставленный в рубке вахтенный.

Максим поднялся на мостик подышать свежим воздухом. Температура опустилась ещё ниже и при разговоре изо рта шёл пар. Плексигласовые окна рубки покрылись узором инея и побелели в паутине застывшего пара. Максим взглянул на проплывающий у входа в бухту айсберг. На его изумрудной вершине тёмным пятном распластался гревшийся на солнце тюлень.

– Товарищ капитан-лейтенант, возьмите, – услужливо протянул ему бинокль вахтенный.

Максим посмотрел на тюленя, затем на плывущие льдины и навёл резкость на зависшие над горизонтом облака. Вдруг вахтенный громко ойкнул и, не сдержавшись, схватил Максима за руку.

– Тащ... Смотрите! – прохрипел матрос и вытянул руку в сторону берега. – Смотрите!

Максим удивлённо проследил взглядом за вытянутой рукой. И тут же выпустил из рук бинокль.

– Зови командира!

Не дожидаясь, пока моряк придёт в себя, Максим схватил микрофон корабельной связи и нажал нужную клавишу.

– Центральный пост рубке! Товарищ командир, поднимитесь наверх! Тут медведи...

Деревянные стены избы раскачивались под мощными ударами толкавшихся в дверях двух здоровенных белых медведей. Как они оказались на причале незамеченными, Максим

так понять и не смог. Потому что ещё минуту назад он смотрел на берег и никого там не было. Послышалось недовольное рычание, и медведи скрылись за стенами, оставив снаружи не вместившиеся округлые крупы с куцыми хвостами. Теперь изба раскачивалась и трещала, а из окна доносился страшный рык, от которого стыла в жилах кровь. Взволнованный крик Максима, адресованный на центральный пост, слышали и в других отсеках, и на мостик потянулись любопытные. Растолкав заполнивших тесную рубку моряков, наверх поднялся командир.

– Штурман! Твою мать... Я же сказал, чтобы ты немцев захоронил. Люди всё-таки.

– Я собирался, – оправдываясь, виновато произнёс штурман. – Не успел.

– Дайте автомат! – Дмитрий Николаевич оглянулся на столпившихся матросов и недовольно рявкнул: – Чего рты раскрыли? Марш отсюда! Не успел он...

Рычание медведей стало громче, а затем стихло, но лишь для того, чтобы смениться жутким хрустом переламываемых костей. Командир передёрнул затвор и дал короткую очередь над крышей дома. Но на медведей выстрелы не произвели никакого впечатления.

– Непуганые, – прокомментировал главный механик.

Дмитрий Николаевич прицелился, и длинная очередь заплескала на асбестовых листах, укрывающих избу. Рёв на мгновение стих, а потом возобновился с ещё большей силой.

– Стреляй по ним, командир! – произнёс разволнованный Валентиныч.

– Да вроде как нельзя! Красная книга!

– Да какая к чёрту книга! Стреляй, Николаич, не могу смотреть!

Командир решительно прижал приклад к плечу. «Действительно, где она, эта Красная книга? И когда ещё появится? Это в своё время за такую стрельбу можно срок схлопотать. А здесь всё простительно». Он прицелился в стену, прикидывая, где сейчас должна быть медвежья голова, но медведи вдруг попятились и вылезли из дверей. То ли почувствовав невидимую опасность, то ли закончив своё кровавое дело, они с достоинством, неспешно пошли прочь и вскоре исчезли за снежным бруствером. Дмитрий Николаевич опустил автомат и, переведя дух, произнёс громко, чтобы слышали все:

– С лодки никому ни шагу! На берег только с моего разрешения! Догружаем, что осталось, и уходим. Отдых отменяется!

Никто не проронил ни слова, и вскоре мостик опустел. Потрясённый Максим продолжал смотреть на берег. Поднявшись наверх в лёгкой робе подводника, он уже порядком продрог, но никак не мог оторвать взгляд от злополучной избы. Обернувшись, он увидел рядом улыбающегося Акопьяна.

– А ты что здесь делаешь?

– Меня назначили верхним вахтенным! – гордо ответил Рафик.

– А-а-а... ну смотри, только не усни.

– Не, я могу сутками не спать.

– Ну-ну, – многозначительно произнёс Максим. – Видел я, как ты сопишь на вахте. Я пойду в каюту, кофе попою. Зови, если что.

Максим спустился в лодку и, передумав идти в каюту, двинулся во второй отсек, на камбуз. По лодке разносился аромат сдобных булочек, и пройти мимо было невозможно. Взбодрившись кофе и наевшись деликатесов кока, он вспомнил про Акопьяна. Зажав в руке ещё горячую сдобу и прихватив термос, он вернулся в рубку. К своему удивлению, на ходовом мостике Акопьяна он не обнаружил. Но где-то рядом слышались радостные повизгивания Рафика на родном языке. Бега взад вперёд вдоль пирса, он заглядывал в воду и, перегнувшись через край, пытался что-то рассмотреть под бетонными сваями. При виде такого раздолбайства Максим чуть не задохнулся от злости.

– Ах, ты, неразумное дитя гор! Тебе где сказали быть?

– Товарищ капитан-лейтенант! – ликовал Рафик, не обращая внимания на грозный тон Максима. – Я крысу видел! Огромная, как собака!

– Это не крыса, а нерпа. Возвращайся в рубку и на причал ни ногой. Это приказ командира.

Максим остановился рядом с Акопяном и тоже заглянул в воду. Нерпа уже исчезла, оставив на поверхности лишь разбежавшиеся в стороны круги. Мороз мгновенно пробрался под робу, и Максим уже хотел вернуться на лодку, но, покосившись на избу, невольно сделал шаг к берегу. Остановившись в нескольких метрах от выбитых дверей, он с трепетом посмотрел на огромные следы, оставленные белыми медведями. Круглые глубокие вмятины в снегу размерами не уступали диаметру тазика. Выпачканные кровью когти оставили длинные красные полосы вдоль всего пути медведей. Максим подошёл к брустверу и выглянул. Следы исчезали за снежным холмом. Неожиданно, совсем рядом, за нагромождением ледяных торосов, он услышал голос. Максим оглянулся – Рафика на причале не было.

«Ну что за наказание на мою голову! – с раздражением подумал он. – Хоть ори до хрипоты, а всё как от стенки отлетает!»

– Акопян! Чудо природы! Я где тебе сказал быть?!

– Я-а-а! – донеслось из-за бугра.

– Что – я? Ты где должен быть, горе-вахтенный? Марш на лодку!

– Я-а-а! – вновь невнятно послышалось за ледяной стеной.

– Тьфу ты! – Максим сплюнул и грозно добавил: – Я сейчас эту нерпу тебе в штаны засуну!

Он подошёл к ледяному краю и подтянулся на руках. Показались торчавшие из воды камни вдоль берега, но Рафика видно не было. Максим рывком перемахнул через мёрзлый бугор. Приземлившись на скользкие валуны, он не устоял на ногах и рухнул на четвереньки. Рядом он заметил чьи-то ноги в чёрных ботинках, и эти ноги были явно не Акопяна. Максим осторожно поднялся и увидел перед собой двух немцев в форме подводников. Один напряжённо смотрел ему в глаза и держал направленный в грудь автомат. Чёрная пилотка с трудом держалась на всклокоченной шевелюре. Второй, напротив, широко улыбался и был вовсе без оружия. Максиму бросилась в глаза его ярко-рыжая косматая голова с белой фуражкой на макушке. Немец поднял руку и поманил к себе.

– Ком, ком, – произнёс он и растянул улыбку ещё шире.

Огненная борода открыла рот и показались белоснежные зубы. Максим попятился. Вдруг за спиной послышался хруст снега. Но обернуться Максим не успел. На голову обрушился тяжёлый удар, и всё вокруг поплыло во вспыхнувшем звёздами водовороте.

Глава вторая

Чёрный день счастливого чёрта

Бывают люди удачливые, бывают – не очень. А бывают такие везунчики, о которых говорят, что им сам чёрт завидует. Рейнгарт Рёхе был из таких. Кому-то везёт в картах, кому-то в любви. Рейнгарту везло по службе. Он первым из кадетов своего выпуска получил в командование подводную лодку. И в первом же походе сумел потопить два английских транспорта, что считалось невероятной удачей. Если другие приводили в базу из походов свои лодки с мятыми боками и рваными следами глубинных бомб, а кому-то и такого счастья не доставалось, то Рейнгарт всегда возвращался даже без царапин. Кто-то говорил, что всему причиной – его рыжая шевелюра. Рыжим всегда везёт! А голова у него была не то, что рыжая, она была огненно-оранжевая. А ещё Рейнгарт был отчаянным до безрассудства. И чем больше он презирал опасность, тем больше ему везло. Ему никогда не попадались дефектные торпеды, на которые постоянно жаловались другие командиры. А бросившиеся в погоню вражеские эсминцы вдруг будто глохли и теряли след даже в спокойной и тихой воде. Петляющий в противолодочном зигзаге транспорт обязательно умудрялся подставиться бортом, после чего командиру оставалось лишь выстрелить торпеду, не ломая голову над сложным манёвром. Поначалу экипаж U-255 был в ужасе от сумасбродства своего командира. Перед выходом в море матросы со скорбными лицами писали завещания, и никто не сомневался, что это его последний поход. Но вскоре привыкли и уже не хватались в панике за спасательные жилеты, когда командиру приходила в голову дикая идея – всплыть и вступить в артиллерийскую перестрелку с английским корветом.

Но однажды произошёл случай, после которого экипаж окончательно поверил в счастливую звезду командира и в то, во что не верил ни один подводник Кригсмарине – в то, что они доживут до конца войны.

...U-255, меняя глубину и путая след, уходила от преследования эсминца, после того как сумела повредить танкер в одном из полярных конвоев. Глубинные бомбы щедро сыпались вокруг, но без какого-либо вреда для лодки. Взрывы глухо лопались где-то невдалеке и отдавались гулом в стальном корпусе. Затем эсминец то ли исчерпал бомбовый запас, то ли потерял удачливую субмарину, отстал и вернулся к конвою. Лодка всплыла, чтобы проветрить отсеки и подзарядить аккумуляторы, но на ходовом мостике их ждал сюрприз. В леерах ограждения застряла неразорвавшаяся глубинная бомба. Выскочивший первым наверх вахтенный офицер застыл с выражением неподдельного ужаса на лице. Старший помощник отодвинул его в сторону и, выпучив глаза, тоже замер.

– Ну и чего вы на неё уставились? – недовольно спросил поднявшийся на мостик Рейнгарт. – Принесите лом!

– Герр командир, возможно, стоит выкрутить ей взрыватель? – предложил старпом.

– Если не взорвалась сразу, то уже не взорвётся. Бомба с дефектом. Не трясите в страхе задницами, она не опасна. Да где же, наконец, лом?!

– За ним послали к механику, герр командир.

– А-а-а! – безнадежно махнул рукой Рейнгарт. – От вас пока дождётся! Расступитесь.

Он упёрся спиной в тумбу перископа и ударил ногой в чёрный цилиндр. Бомба выскользнула из ограждения и с грохотом рухнула на нижнюю палубу. Старший помощник побледнел и сжался в ожидании взрыва. Бомба прокатилась, загрохотав по покатуному корпусу, и скрылась, плюхнувшись в воду. Вахтенный офицер переглянулся со старпомом, и они облегчённо выдохнули. Но не прошло и двадцати секунд, как где-то в глубине ухнул взрыв, и корма лодки подпрыгнула, оголив винты и едва не сбросив с мостика командира.

После этого случая экипаж решил сброситься деньгами и заказать подкову из чистого золота, чтобы прикрепить её на рубке. Но командир считал, что источник их везения в другом. И тогда на рубке U-255 появилась ярко-красная, с намёком на шевелюру командира, голова смеющегося чёрта. А сам Рейнгарт получил прозвище Счастливый чёрт. Чем, впрочем, очень гордился.

Выйдя из Нарвика в начале августа, лодка уже месяц безрезультатно рыскала в Баренцевом море. Союзники Советов взяли в конвоях паузу, ожидая Полярной ночи, а немногочисленные корабли Северного флота предпочитали не отдаляться от берегов Кольского полуострова. Месяц ничегонеделания воздействовал угнетающе даже на неисправимого оптимиста Рёхе. Но, как в издёвку, ему для патрулирования отвели такой район, где за всё время не встретился ни один корабль, пусть даже незначительного тоннажа. И о них будто забыли. Это начинало тяготить. В конце концов Рейнгарт не выдержал и, вспомнив, что рядом на Земле Александры есть прекрасная база, где можно отдохнуть, дал в Нарвик радиogramму с предложением произвести дозаправку лодки и дать экипажу передышку. Ответили ему сразу. Но вместо желанного отдыха пришёл приказ взять запас мин и поставить их у входа в многочисленные бухты северной оконечности Новой Земли. Командование считало, что в будущих боях за конвои туда для ремонта могут заходить повреждённые корабли противника. И, чтобы подсластить пилюлю, Рейнгарту разрешили после выполнения задания отдохнуть на Земле Александры три дня. Ну что же! Три так три. Не две недели, как он запрашивал, но и это хотя бы что-то. Хорошо, что вообще не отказали.

Впереди по курсу показалась тёмная полоска. Кричащая над рубкой стая чаек предвещала близкую землю. Мелкие льдины со скрипом ударялись о нос лодки и, расколовшись, исчезали под разбегавшимися в стороны волнами.

Рейнгарт опустил бинокль и сказал стоявшему за спиной старпому:

– Сообщите на базу о нашем прибытии и запросите ледовую обстановку у берега.

– Герр командир, Земля Александры не отвечает.

Рейнгарт удивлённо поднял глаза на старшего помощника. Обер-лейтенант поёжился, будто сам был виноват в молчании базы, и поспешил высказать предположение:

– Может, сменили частоту?

– Чего ради? Мы здесь были всего двое суток назад. Если бы собирались менять частоты, нас бы предупредили.

– Дать красную ракету?

– Нет, – командир в задумчивости запустил пальцы в успевшую отрасти окладистую бороду. – Погружение. Подойдём под перископом.

Загремели люки, вокруг лодки забурили воздушные пузыри, вытесняемые из балластных цистерн, и на поверхности остался лишь штырь перископа. Рейнгарт уткнулся в тубус и молча крутил настройки резкости. Перед глазами проплыли крыши коттеджей и красные огни, обозначающие вход в гавань.

– Странно... – пробормотал командир.

Огни зажигались, обозначая границы фарватера, только тогда, когда в бухту входила лодка. В остальное время для скрытности они были потушены. У Рейнгарта возникло ощущение, что огни не гасли с тех пор, как они отсюда ушли. U-255 приблизилась к берегу на несколько кабельтовых, и вдруг в узком проходе инородным телом мелькнула гигантская чёрная туша.

– А это ещё что такое? – удивлённо сдвинул на затылок фуражку командир. – Густав, ты когда-нибудь что-то подобное видел?

Старший помощник принял к перископу и в свою очередь потрясенно произнёс:

– Даже не могу представить, что это может быть, герр командир.

– Отойди. – Рейнгарт вновь уставился на тёмную глыбу на фоне белого берега. – Как этот кашалот только влез в такой узкой гавани? Чем больше я смотрю на него, тем сильнее мне на память приходит легенда о лодке-оборотне. Ты её помнишь, Густав?

– Герр командир, вы же говорили, что это байка обделавшихся надводников в Северном море!

– Я и сейчас так считаю. Гросс-адмирал Редер сутки гонялся неизвестно за кем, но так никого и не поймал. Но гросс-адмирал не может так просто жечь топливо Германии, вот его штаб и придумал сказку об оборотне. Но уж очень по описаниям похоже...

Обер-лейтенант прокашлялся в кулак и нерешительно спросил:

– Герр командир, уходим?

– Ты шутишь? Сейчас только начинается самое интересное! Обойдём бухту и всплывём у восточного берега.

– Герр командир, если вам будет угодно выслушать моё мнение, то я осмелюсь предложить сначала отправить радиogramму в Нарвик, а затем действовать по указаниям командования.

Рейнгарт отстранился от перископа и задумчиво посмотрел на старшего помощника.

– Ничему-то я так тебя и не научил. Я знаю, Густав, что ты переходил в старпомах и скоро получишь собственную лодку. Но никогда тебя не назовут Счастливым чёртом. Скорее, ты будешь осторожным пескарём. Но это не значит, что ты меня переживёшь. Такие, как правило, тонут в первую очередь. Удача отворачивается от них, потому что они ей не интересны.

Старший помощник густо покраснел и, оправдываясь, произнёс:

– Герр командир, я никогда не ставил под сомнение наше везение и ваш опыт. И вы для меня всегда были примером, но существуют определённые правила...

– Наплюй на правила. Если хочешь стать Счастливым чёртом, для начала стань хотя бы обычным чёртом, а счастье само приложится. Малый ход! Курс девяносто!

Резиновая лодка уткнулась в камни, и Рёхе первым выскочил на берег. Узкая полоска суши скрывалась от посторонних глаз стеной из нагромождения ледяных торосов. Взбравшись на самую крупную льдину, Рейнгарт осторожно выглянул. Рядом поднялся старпом и потрясенно прошептал:

– Командир, что это?

От удивления он забыл добавить обязательную приставку – герр.

– Это оборотень, – восхищённо ответил Рейнгарт. – Он всё-таки существует.

Старший помощник передернул затвор автомата и твёрдо произнёс:

– Мы должны срочно доложить в Нарвик!

– Подожди. И спрячь свою хлопушку.

– Герр командир, что там у вас? – выкрикнул оставшийся у лодки боцман.

– Тише, – Рейнгарт приложил к губам палец.

На причале громко переговаривались на незнакомом языке два моряка. Рёхе напряг слух, пытаясь разобрать слова, но они замолчали, и один вдруг пошёл в сторону берега. Командир провёл его взглядом и заметил, что дом, в котором обычно ютилась охрана, стоит без двери и с выбитым окном.

«Здесь был бой!» – подумал он.

И, будто услышав его мысли, моряк с «оборотня» прошёл рядом с их укрытием и заглянул в хижину.

– Герр командир, уходим, – прошептал старпом. – Он может нас заметить.

– Не дёргайся! Пока что заметили его мы. Да спрячь, наконец, автомат. Он нам нужен живым.

Чужак остановился и посмотрел в их сторону.

Через минуту боцман оттолкнулся веслом и стал грести в сторону стоявшей рядом лодки. Командир взглянул на лежавшего без сознания связанного моряка с «оборотня» и язвительно сказал:

– А ты сомневался! Теперь можно и радиограмму в Нарвик отправлять. Я не забуду отметить в донесении, что ты, Густав, принимал самое активное участие в захвате пленного.

Старпом покраснел и, смутившись, подёргал узлы на руках лежавшего на дне шлюпки моряка. Командир всегда с иронией относился к его осторожности и не упускал случая лишний раз подразнить Густава.

Шлюпка уткнулась в борт субмарины и навстречу потянулись руки, помогая перетащить пленного.

– Кто это? – спросил главный механик.

– Дитя оборотня! – засмеялся Рейнгарт.

– Он без сознания?

– Да! Боцман от души приложил. Хорошо, хоть не прибил.

Механик присмотрелся к пленнику и засмеялся:

– Дышит! Тащите его вниз.

Рейнгарт оглянулся на близкий берег и командовал:

– Нечего больше здесь смотреть. Живо все в лодку!

Спустившись последним, он захлопнул люк и крикнул с трапа вниз:

– Всем в нос! Срочное погружение! Торпедная атака!

– Герр командир, вы хотите атаковать оборотня? – спросил старший помощник.

– Ну не смотреть же на него!

– А доклад в Нарвик?

– Как же ты меня достал! Тебе бы только доклады рассылать, – недовольно проворчал Рейнгарт. – Радист! Дай бланк. Отправим донесение, пусть в Нарвике поморщат лбы, гадая, кого мы видели.

Взяв чистый лист бумаги, командир хотел отделаться сухим докладом в пару строк. Но этого показалось мало, и он принялся в деталях расписывать внешний вид неизвестной лодки. Закончил Рейнгарт информацией о том, что захватил пленного и собирается произвести торпедную атаку.

– Отправляй! – он ткнул радисту исписанный химическим карандашом бланк.

Главный механик уже перевёл лодку на перископную глубину, и командир уткнулся в тубус. Присмотревшись к чёрной полосе рядом с неизвестной лодкой, он вдруг понял, что торпедировать её не получится. Построенный немецкими инженерами бетонный причал как раз и должен был исключить такую возможность атаки лодки с моря. Располагаясь под углом, он надёжно прикрывал собой вход в бухту. Рейнгарт с досадой ударил по рукояткам перископа. Посмотреть и уйти было не в его правилах. От размышлений его оторвал голос радиста:

– Герр командир, нам ответная радиограмма!

– Так быстро? – Рейнгарт удивлённо посмотрел на высунувшуюся из радиорубки голову в наушниках. – Любопытно...

Глядя в исписанный бланк, он начал на глазах мрачнеть.

– Что пишут? – спросил старпом.

– В Нарвике такие же пескари, как и ты. Требуют, чтобы мы немедленно возвращались и не пытались атаковать неизвестную лодку. Утверждают, что она чрезвычайно опасна. Откуда нашим умникам это известно?

Рейнгарт неприязненно посмотрел на старпома:

– Густав, не пойму, зачем я поторопился с докладом? Теперь ничего не поделаешь, придётся подчиниться. Уходим!

Максим осторожно открыл глаза. В голове звенело, как будто по ней перекатывалась горсть мелочи. Облизав пересохшие губы, он пошевелился. Под ним скрипнула узкая койка, и стоявший к нему спиной немец обернулся. Наклонившись и внимательно посмотрев в лицо Максиму, он что-то крикнул, и тут же рядом появился второй, в серой куртке подводника и пилотке с орлом.

– Ну как? Очухался? – спросил он на безупречном русском языке.

Максим посмотрел на свою мокрую робу и осознал, что он ужасно замёрз. И в подтверждение этого его начало трясти крупной дрожью. Зубы застучали в такт с трясущимися пальцами. По телу волнами побежали судороги.

Немец посмотрел на него и усмехнулся:

– Что ж ты налегке выперся на мороз? Неужели ничего теплее не было? Сейчас тебе куртку принесут, а то на лодке холодно. Обогрева не хватает. Всё-таки север – это север.

Максим оглянулся вокруг. Вогнутые стальные стены, трубы с манометрами, вентили.

– Где я? – спросил он, поднявшись и спустив ноги.

– У меня на койке! – засмеялся немец.

– А ты кто?

– А кто ты? – вопросом на вопрос ответил немец и засмеялся ещё громче.

– Я первый спросил.

Максим потрогал шишку на затылке и застонал. Он попытался встать, но немец его остановил.

– Лежи! Наш док сказал, что у тебя сильное сотрясение.

– Кто меня так?

– Боцман. Этот бить умеет.

– Я что, на подводной лодке?

Немца, судя по всему, ужасно забавлял растерянный вид Максима, и он хохотал, оглядываясь на ничего не понимавших из их разговора, обступивших немецких моряков:

– Какой ты догадливый! На твою похожа?

Максим пропустил мимо ушей провокационный вопрос и спросил:

– Это же немецкая лодка?

– Она самая!

– А что ты здесь делаешь? Ты же русский.

– Нет, я не москаль. Я из львовских, если тебе это о чём-то говорит. Степан Горбунко, так меня кличут. А кто ты, мил человек?

Максим посмотрел на обступивших его матросов и, рассудив, что скрывать свое имя бессмысленно, ответил:

– Максим Зайцев.

– Максим? Это же надо, так моего шурина зовут, – Степан даже хлопнул Максима по-свойски по плечу, будто перед ним и впрямь был его шурин. – Ну и наделали вы шума со своей лодкой! А тебя теперь везём в Нарвик, будто принца. Командир, как радиogramму дал, так все сразу будто с ума сошли. Сам папа Карл летит нас встречать!

Максим мрачно посмотрел на довольного Степана и, обхватив голову, задумался. Как же он так опростоволосился? Перед глазамиплыли лиловые круги, и мутило от накатывающей тошноты. Но хуже всего было то, что он ничего не помнил. Виденная то ли в бреду, то ли наяву, в памяти всплывала рыжая голова немца. Максим попытался напярчь память. Он ведь пошёл за Акоюном? Где же тогда Рафик? Может, тоже здесь, на лодке? Степан Горбунко, вдруг резко посерьезнев, спросил:

– Максим, так ты с русской лодки или с американской? Ответь мне как земляку, а то уж очень интересно.

Подождав с минуту и, видя, что Максим отвечать не собирается, усмехнулся:

– Тебе всё равно язык развяжут. Зря запираешься. Я ведь почему спросил. Командир уверен, что вы американцы. И как я ему ни доказываю, он не верит, что у русских может быть такая лодка.

– А с чего ты взял, что я русский? Может, я как раз из Америки! – Максим с неприязнью посмотрел на Степана и скривился, потрогав затылок.

Горбунко снова похлопал его по плечу и сочувственно сказал:

– Понимаю, у тебя голова трещит, а я со своими расспросами. Нет, ты не американец. И дело даже не в том, что ты говоришь по-русски. У тебя на майке написано «Пью всё, что горит!» С такой надписью только русский будет ходить.

Максим совсем забыл про эту глупую надпись на своей футболке и такую же идиотскую физиономию со стаканом в руке. Степан, между тем, не унимался:

– Я с командиром на коньяк поспорил, что лодка русская. Так скажи – выиграл я или нет? За это я и тебя угощу, если захочешь. Я тебя про лодку не спрашиваю. Это у тебя другие спросят. Ты мне только ответь – чья она?

Максим опять проигнорировал его вопросы и прислушался. Где-то рядом гремели дизели. Их удушливая гарь и вонь солярки, смешанная с запахом дешёвого одеколона и пота, стойко заполнили кубрик. Лодка полным ходом куда-то шла в надводном положении. Матросы, так и не проронив ни слова, стояли кругом и прислушивались к беседе, напряженно следя за каждым его движением. В тесноте кубрика немцы давили друг друга, но не уходили и ждали, что им перескажет Степан Горбунко.

– Как же ты в экипаж к немцам попал? – попытался сменить тему Максим.

– А я не в экипаже вовсе, – Степан снова засмеялся. – Ты что, подумал, что я один из них? – Он кивнул на матросов. – Ну, рассмешил. Неужели обо мне не слышал? Странно... А я был уверен, что русская разведка обо мне знает. Неужели ничего о Горбуне не слышал? Даже обидно. А ведь я не одну лодку на ваш корабль навёл. Да и на английский тоже. Я же ещё и английским языком владею. Но с русскими легче. Ваши радиомолчание совсем не соблюдают. Военные корабли ещё могут помалкивать, а гражданские, как только друг друга из вида потеряют, так такой галдёж в эфире устраивают, только успевай переводить. Могут даже координаты своего места дать.

– А ты, значит, слушаешь и немцев наводишь? – глаза Максима сверкнули.

Но Степан его взгляда демонстративно не замечал и с удовольствием продолжал рассказывать:

– Немцы меня ценят. То на одну лодку подсажат, то на другую. Командиры мне рады, потому что я им сразу тоннаж потопленных кораблей увеличиваю. Лучшее место на лодке выделяют. Ем за столом с офицерами. А ты меня с матросами равняешь. И всё же странно, что ты ничего о Горбуне не слышал. Наш пост радиоперехвата в Киркенесе слышал, как ваш бригадный комиссар Николаев обещал тому, кто меня достанет – орден дать. Видишь, Максим, как я с тобой откровенен. Так и ты мне, не таясь, ответь – лодка русская?

– А ты погадай. Может, по радио что-то услышишь. Ты же ценный немецкий кадр, всё знаешь.

– Нет, про вас я ничего не слышал, – удручённо пожал плечами Степан. – Всякое болтали, но про вас ни слова.

– Ну вот видишь, – усмехнулся Максим. – Значит, не угадал ты. Не русская лодка.

– А чья же? – Степан ошеломлённо округлил глаза.

– Ну, не знаю... Может, китайская.

Горбунко встал и процедил сквозь зубы:

– Ты, сука москальская, побереги свои шуточки для гестаповских застенков. Завтра мы вернемся на базу, и твой допрос буду переводить я. Так что готовься, а я знаю, что надо сказать, чтобы тебе неповадно было.

Степан Горбунко встал и, растолкав матросов, вышел из кубрика.

Рейнгарт стоял на мостике и лениво водил по горизонту биноклем. Ничего! Исчезли даже вечно голодные чайки. Зато над морем появилась чёрная полоса грозового фронта. К вечеру, очевидно, заштормит. Он взглянул на притихшую вахту и зевнул. Сплошная скука. Не дали даже попробовать разделаться с оборотнем! Им командуют не отчаянные асы-подводники, а нерешительные барышни-гимназистки. Рейнгарт остановился над люком. Спускаться вниз не было никакого желания. Свежий воздух пьянил, и не хотелось менять его на душлистый смрад лодки. Неожиданно снизу послышался выкрик. Рейнгарт по голосу узнал радиста. Он разыскивал командира. Рейнгарт недовольно вздохнул полной грудью и спустился внутрь.

– Герр командир! – радист взволнованно ждал его у трапа. – Я переговоры случайно поймал! Где-то рядом говорят, сигнал сильный. Слова похожи на русские.

– Где Горбун?

– Он, кажется, с пленником в кубрике разговаривает.

– Давай его сюда! Пусть послушает.

Рейнгарт почувствовал, как в предвкушении охоты азартно подпрыгнуло сердце. Было бы здорово по пути на базу перехватить русское судно. Но факт переговоров в эфире русских ещё не означает, что их корабль где-то рядом. Это может быть метеостанция или даже охотничья артель, имеющая радиостанцию.

Появился мрачный Горбун и, молча отодвинув в сторону радиста, надел наушники. Немного прослушав, он спросил:

– Командир, где это – мыс Литке?

– Штурман, где? – Рейнгарт с надеждой посмотрел на карту.

– Миль пятьдесят, герр командир, – навскидку определил штурман.

Горбун, закрыв глаза, ещё послушал пару минут и сказал:

– Русский лесовоз везёт на какое-то зимовье дрова и продукты. На берег доложили, что прошли траверз мыса Литке.

Рейнгарт бросился к штурманскому столу. В груди радостно зазвенела струна. Это всё-таки было судно! Пусть не танкер или транспорт, а вернее всего, что ржавая баржа, но это было судно! После месяца бесплодных поисков и такому будешь рад.

– Штурман! – командир вмиг преобразился и, хлопнув по столу, скомандовал: – Курс на мыс Литке!

– Герр командир, согласно приказу, мы должны идти в Нарвик, – напомнил старпом.

Рейнгарт скривился, как от зубной боли.

– Густав, в приказе ничего не сказано о попутных кораблях. Хватит с них того, что мне не дали покончить с оборотнем.

– Герр командир! Но русский лесовоз вовсе не у нас на пути.

– Пятьдесят миль – пустяк для таких чертей, как мы! И не крюк вовсе! Давай, Густав, готовь к бою экипаж. В такую погоду может даже удастся потренировать артиллеристов.

Но о стрельбе из орудия пришлось забыть, лишь только они приблизились к Новой Земле и заметили русский лесовоз. Небольшое дымящее судно с развевающимся красным флагом оказалось под охраной эсминца. Рейнгарт направил перископ на застывший у берега боевой корабль и удивился ещё больше. Эсминец был под английским флагом! Пропустив вперёд себя русское судно, англичанин отошёл в море, и Рейнгарт слышал отражающиеся от дна звонкие посылки асдика. Эсминец был оснащен по последнему слову техники

именно для борьбы с подлодками. Рейнгарт ухмыльнулся в рыжую бороду: разве сможет такая мелочь его остановить?

– С тебя первого и начнём, – прошептал он злорадно и крикнул: – Открыть первый и четвёртый торпедные аппараты! Тихий ход!

Конечно, для атаки эсминца нужны электрические торпеды, не оставляющие предательский след. Но, как на беду, таких на борту U-255 не было. Дефицитные новинки выдавались в торпедный боекомплект по одной, максимум – по две. И то тем лодкам, которые планировали атаковать конвои под сильным прикрытием. Нет электрических? Что ж, обойдёмся кислородными. Уж такая мелочь тем более не сможет остановить Счастливого чёрта!

Рейнгарт развернул тубус и увидел на спокойной воде белый след, оставляемый перископом. Досада! Всё против него! Впрочем, и это мелочь, потому что на его стороне удача, а это карта козырная, бьющая все прочие.

И всё же он не стал лишний раз испытывать судьбу и опустил перископ, ориентируясь по пеленгам, выдаваемым гидроакустикой. Когда он опять его поднял, эсминец находился всего в пяти кабельтовых. Можно было рассмотреть стоявшую на мостике вахту. Счётно-решающий механизм выдал упреждение, и Рейнгарт замер, чувствуя, как бешено стучит в груди сердце. Расчёт был на внезапность. Даже заметив следы от торпед, эсминцу ещё надо успеть от них увернуться. А это не всем и не всегда удаётся. Счёт идёт на секунды, а их, как правило, не хватает.

Рейнгарт запустил пальцы в бороду и решительно скомандовал:

– Первый, четвёртый – пли!

Вдавив глаза в окуляры, он с тревогой следил за действиями эсминца. Увидит – не увидит? Успеет – не успеет? Англичанин успел. Вахту на нем несли отлично и вовремя заметили потянувшиеся к борту белые следы. Эсминец взвыл двигателями и рванул вперёд, оставив позади пересекающие его путь следы торпед. Описав дугу, он ринулся по направлению к лодке.

– Срочное погружение! – взревел Рейнгарт и повис на рукоятках, втягивая вниз перископ.

Взвыли электродвигатели, и лодка, проваливаясь, нырнула на глубину. Но теперь спасительных секунд не хватало U-255. Заглушая завывание двигателей, сквозь металл прочного корпуса слышались шлепки винтов эсминца. Акустик вывалился из радиорубки и, сорвав наушники, истошно заорал:

– Бомбы!

И тут же лодку встряхнуло и швырнуло в сторону. Рейнгарт не устоял на ногах, рухнул на палубу, но тут же вскочил:

– Не дрожите! – попытался он крикнуть как можно уверенней. – Мы же черти! Дьявол нам по-родственному поможет!

Рейнгарт был уверен в своей удаче и потому искренне удивился, когда из кормовых отсеков посыпались доклады:

– Повреждение двигателей! Течь в шестом отсеке! Затопление седьмого отсека! Доктора в корму, там раненые!

Эсминец заходил на вторую атаку. С помощью асдика он держал уверенный контакт с лодкой, и все слышали приближающееся шлёпанье винтов.

Рейнгарт понял, что на этот раз не уйти.

– Продуть балластные цистерны! Всплываем!

– Герр командир, вы хотите сдаться?! – выкрикнул старший помощник.

– Чёрта с два! Мы дадим бой! Тащите ящики со снарядами на центральный пост!

Но и всплыть U-255 тоже не успела. Увы, всё те же пресловутые секунды. Эсминец прошёл над головой, едва не протаранив рубку, и сбросил очередную серию бомб. Взрывом,

словно гигантским консервным ножом, вспорол лёгкий корпус, за ним прочный, и внутрь хлынула вода.

После первой атаки Максим заметался в кубрике в общем потоке снующих вокруг матросов. Увидев, как кто-то выхватил из-под койки мешок со спасательными жилетами, он вырвал у него из рук оранжевый жилет и, торопясь, натянул его на плечи. Такую бомбовую атаку ему ещё переживать не приходилось, и он был близок к панике. Мощным потоком по ногам хлынула вода. Красный свет мигал и вырывал из темноты перекошенные лица немцев. Цепляясь за них руками, он пытался понять: куда надо бежать? И что в конце концов происходит? Неожиданно страшная кувалда ударила в борт. Максим увидел, как из разверзнувшейся щели на него обрушился водопад. Его закружило, вдавило в острый металл и швырнуло куда-то вверх, к свету.

Оглушённый и будто вывернутый наизнанку, ничего не соображая, он плавал среди кучи всплывшего вместе с ним мусора и безразлично смотрел на острый нос несущегося на него эсминца.

Командир эсминца был счастлив. Ещё бы! Он потопил немецкую подводную лодку, и теперь место в истории ему обеспечено. Он свесился через леера мостика и смотрел на проплывающие мимо борта пустые спасательные жилеты и выброшенные на поверхность тряпки вперемешку с обрывками бумаги. Из воды показалась голова, безвольно поникшая на воротник жилета.

– Живых нет? – спросил он стоявшего в шлюпке офицера, руководившего спасательной операцией.

– Нет, сэр!

– Посмотрите по курсу! Там ещё один плывёт!

– Есть, сэр! – офицер приложил к голове ладонь и посмотрел, куда указывал командир.

Присмотревшись, он взволнованно крикнул: – Он, кажется жив!

Моряка вытащили из воды и поторопились передать на эсминец. Глаза его безвольно закрывались и казалось, что сейчас он испустит дух. Стащив с него мокрую куртку подводника с орлом и свастикой на кармане, моряка укутали в одеяло и попытались влить в рот горячий чай. Сделав несколько глотков, он посмотрел на стоявших кругом англичан и произнёс несколько слов.

– Сэр! Это не немецкий язык! – прислушавшись, произнёс спасший его офицер. – Я уже успел достаточно пообщаться с русскими и быюсь об заклад, что это русская речь.

– Русский на немецкой лодке? – удивлённо спросил командир. И вдруг его лицо осенила догадка: – А не тот ли это русский, за которым охотятся моряки Северного флота?

Лицо командира засветилось от гордости, и он уверенно добавил:

– Сегодня определённо день моего ангела!

Глава третья

Волнения на высшем уровне

Радиограмма, переданная с U-255, перелетела Баренцево и Норвежское моря и, будто камень, упавший в тихий пруд, побежала кругами по воде, всколыхнув спокойствие в некоторых весьма высокопоставленных кабинетах. В этих стенах решались судьбы тысяч людей и писалась новейшая история. Здесь принимались решения, влияющие на ход войны и определяющие стратегию развития государства.

Первый из них был обставлен с роскошью и увешанный картами кабинет в Париже.

Адмирал Карл Дёниц взглянул на телеграмму с грифом «Срочно» и углубился в чтение. Командующий одиннадцатой флотилией корветтен-капитан Ганс Котхауш оставил донесение Рейнгарта Рёхе без изменений, добавив от себя лишь одно предложение: «Командира можно обвинить в чём угодно, но только не в фантазёрстве, потому верю каждому слову». Адмирал дважды перечитал текст и почувствовал, как от волнения покрылся испариной лоб. Оборотень! А ведь он уже начинал сомневаться в его существовании. Два месяца бесполезных поисков! Два месяца не было даже намёка на таинственную субмарину! Одни лишь домыслы и выдумки богатой фантазии моряков. Скрыть сам факт существования лодки-оборотня было невозможно в принципе. Её искали в Атлантике и Северном море, вдоль берегов Франции и в портах Англии. Но всё было тщетно. И, естественно, поползли слухи. Они обрастали небылицами и сказками, запутывающими и без того туманные сведения. Передаваемая друг другу шёпотом, на ухо, молва подстёгивала воображение и рисовала в воспалённых умах картины одну причудливей другой. То вдруг капитан танкера замечал в штормовом море, как из воды возникал светящийся город и, прочертив по горизонту огненный шлейф, исчезал под водой. То экипаж самолёта-разведчика докладывал, что рядом, среди туч, видит что-то, напоминающее подводную лодку. Адмирал снисходительно улыбался, но по возможности старался эти рассказы проверять. Но все они оказывались лишь плодами богатой фантазии моряков. И сам собой у адмирала иногда возникал вопрос: а был ли вообще оборотень? Стечение роковых обстоятельств иногда порождает самые странные легенды. Лодка подрывается на сорванной мине, а наблюдавшие со стороны другие подводники видят в блике солнца летящую по воздуху торпеду. Сбежавшие пленные расстреливают на острове метеорологов, но его подчинённые обвиняют в этом команду оборотня. Ведь даже гросс-адмирал Редер засомневался в существовании приписываемой американцам субмарины. Перевернув вверх дном Северное море, его друг Эрих уверенно заявил, что если бы она существовала, он её непременно нашёл бы. И вдруг сообщение из Нарвика! Описание оборотня пестрело деталями. Командир Рёхе утверждал, что лично видел лодку. И что самое главное, он взял в плен члена её экипажа. Разволноваться было от чего. И ведь где оборотень объявился? В Арктике! На секретной базе Кригсмарине! Расположившись там, как у себя дома!

Адмирал Дёниц на минуту задумался и уверенно нажал кнопку вызова адъютанта.

– Подготовьте к вылету самолёт! Я лечу с инспекцией в Нарвик.

Такая формулировка не вызовет вопросов у фюрера, которому все высокопоставленные лица обязаны докладывать о собственных перемещениях. Равно как и у германских спецслужб, до которых тоже могли докатиться слухи о поисках адмиралом лодки-призрака.

Молочно-белый фюзеляж двухсотого «фокке-вульфа» уже третий час скользил над норвежскими сопками. Истребители сопровождения менялись, передавая друг другу самолёт из правительственной эскадрильи и, покачав крыльями, исчезали, возвращаясь на свои аэродромы. Карл Дёниц посмотрел в квадратный иллюминатор на проплывающие внизу озёра и, не сумев скрыть нетерпения, задёрнул штору. Комфортный салон литерного «Кон-

дора» располагал к спокойствию и безмятежности, но адмиралу было не до отдыха. Поглядывая на часы, он нервно тербил пуговицы на кителе и вновь бросал взгляд на застывшие стрелки. Когда внизу показался изрезанный фьордами скалистый берег, Дёниц облегченно выдохнул и потянулся к кожаному адмиральскому плащу.

На аэродроме моросил дождь. Самолёт, подняв тучу брызг, прокатился вдоль короткой полосы и остановился возле ожидавшей толпы встречающих. Лишь только подкатили трап, дверь распахнулась, и Карл Дёниц выглянул, высматривая корветтен-капитана Котхауша.

Командующий одиннадцатой флотилией застыл, вытянув руку в нацистском приветствии, но глаза его смотрели растерянно. И тогда адмирал понял, что что-то произошло...

В штабе флотилии, стоя навтыжку перед картой, корветтен-капитан пытался оправдываться:

– Господин адмирал, я лично приказал Рёхе оставить все дела и максимальным ходом следовать в Нарвик! Ему также было приказано, соблюдая осторожность, уклоняясь от встреч с противником, доставить пленника на базу. Но он поступил иначе! И вот итог: служба радиоперехвата в Киркенесе зафиксировала доклад английского эсминца в Полярный об уничтожении немецкой лодки. Как Рёхе оказался у побережья Новой Земли, я не знаю. Допускаю, что это результат личной недисциплинированности командира. За ним и раньше замечалось подобное.

Ганс Котхауш ткнул указкой в карту.

– Отклонение от маршрута составило более пятидесяти миль!

Корветтен-капитан истекал потом, китель прилип к спине, сковывая движения. Ему очень хотелось расстегнуть верхнюю пуговицу, но он терпел.

Зная, что адмирал летит из жаркого Парижа, небольшое помещение штаба флотилии постарались натопить так, чтобы папа Карл не испытывал дискомфорта, оказавшись на холодном севере. Но мириться с духотой теперь пришлось всему штабу флотилии.

Дёниц сидел за столом, обхватив ладонью лоб. Он в пол-уха слушал Котхауша, задумавшись над тем, что ему казалось теперь очевидным. Всё, что связано с оборотнем, обростало какой-то мистикой. Он выскальзывал из рук всегда в последний момент, будто проваливаясь в преисподнюю. А может, так оно и есть? И не американец он вовсе, а исчадие геенны огненной? Адмирал тяжело вздохнул и заставил себя прислушаться к докладу командующего. Последние слова его заинтересовали.

– В руки русских попал агент Горбун. Его помощь нашим лодкам трудно переоценить. Мои командиры искренне жалеют об этой потере, несмотря на то что он из русских.

– Ему не позавидуешь, – усмехнулся Дёниц. – Советы не жалеют своих людей, а уж о предателях и говорить нечего... Хотя, если для вас он так ценен, я бы посоветовал принять меры к его спасению. – Взглянув на карту, адмирал поинтересовался: – Вы отправляли кого-нибудь на Землю Александры после донесения Рёхе?

– Именно так я и поступил! – не без гордости заявил Котхауш. – Из района боевого дежурства туда была отправлена U-334 капитан-лейтенанта Хильмара Зимона. Но оборотня там уже не было. База разрушена, склад взорван, дома сожжены. Но не беспокойтесь, господин адмирал, наши инженеры всё восстановят, и через месяц база вновь сможет принимать лодки.

– Уже нет смысла, если о ней стало известно всем, – Дёниц тяжело встал и направился к выходу. – Проводите меня, я возвращаюсь в Париж.

Второй кабинет, который так или иначе взволновало донесение и гибель Рейнгарта Рёхе, находился в Берлине. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер внимательно слушал доклад шефа внешней разведки Вальтера Шелленберга. Поблёскивая стёклами круглого пенсне, он

неотрывно следил за руками главного разведчика Германии. Тонкие холёные пальцы перелистывали толстую пачку докладных записок и телеграмм.

Час назад рейхсфюрер закончил занятие медитацией с шестёркой монахов, прибывших к нему с Тибета, и теперь был в прекрасном расположении духа. Его тренировки значительно продвинулись вперёд, и это радовало. Пусть он ещё не может заглянуть с помощью медитации в собственное сердце или печень, как это делает главный монах в зелёных перчатках. Но в том, что сегодня ему удалось заглянуть в собственную пятку, Гиммлер был уверен. Стремясь развивать у себя способность читать мысли, рейхсфюрер взглянул на аккуратную причёску Шелленберга и попытался предугадать, о чём дальше скажет шеф разведки. На ум пришло что-то неприятное и досадное.

– И ещё, господин рейхсфюрер! – Вальтер Шелленберг взглянул на верхний лист и сделал паузу. – В операции «Wunderland» произошли некоторые нестыковки. Я бы сказал – небольшие неприятности, не влияющие на общий ход событий.

Гиммлер выжидательно взглянул поверх очков. А ведь он оказался недалёк от истины! Путь к сверхчеловеку тернист и труден, но он возможен. Нужно только верить и тренироваться.

«А сейчас Вальтер скажет, что доставленное крейсером оборудование пострадало за время перехода, – рейхсфюрер наморщил лоб, пытаясь заглянуть на несколько секунд вперёд. – Нет! Он скажет, что доставленного оборудования недостаточно для начала опытов в объёме операции «Wunderland»!

Шелленберг прокашлялся и продолжил доклад:

– Подводная лодка U-255, которую мы планировали использовать для доставки оберштурмфюрера СС Шеффера к месту нахождения объекта «Null» затонула у берегов Новой Земли.

Гиммлер с досадой сломал карандаш и швырнул обломки в мусорную корзину. Да, путь к совершенству тяжёл и долог, и научиться читать мысли не так просто.

– Надеюсь, с профессором всё в порядке?

– Да, господин рейхсфюрер. Сейчас профессор находится в Мурманске. Ему остался последний бросок. Очень скоро он будет на месте.

– Мы должны ему помочь. Пусть Дёниц даст другую лодку! И почему погибла эта? Он же обещал, что её не будут задействовать в боевых операциях?

– Очевидно, адмирал не придавал особого значения нашей просьбе. Он ведь не в курсе операции «Wunderland».

– Этого ещё не хватало. Даже фюреру известны лишь только основные детали. Как мы можем помочь профессору? И так ли уж была необходима заброска Эрнста Шеффера в Мурманск?

– Это была идея оберштурмфюрера СС Шеффера. Он хотел лично узнать, известно ли что-нибудь русским о его находке на Новой Земле. И к тому же, он категорически против какой-либо помощи. У Эрнста прекрасная легенда. Документы ему делали лучшие эксперты. Он неплохо владеет русским языком, и мы с ним имеем устойчивую связь. И вы же знаете, что он всегда привык полагаться только на себя. Объект «Null» реагирует на низкие температуры, поэтому профессор не спешит, справедливо полагая, что у него ещё есть время. А нынче даже в Заполярье плюсовые температуры. Будь сейчас декабрь, уверен, профессор приложил бы все силы, чтобы как можно скорее оказаться на месте. Я убеждён, господин рейхсфюрер, что мы должны прислушаться к его мнению.

– Да, – неохотно согласился Гиммлер, – Эрнст всегда был чрезмерно самостоятелен.

...Как же его сейчас доставало! Тридцатидвухлетний профессор Эрнст Шеффер был любимцем рейхсфюрера СС. Удачливый охотник и прекрасный стрелок, он мог часами рассказывать о своих экспедициях на Тибет. И тогда Гиммлер чувствовал, что буквально теряет

дар речи, слушая одну теорию загадочней другой. К тому же развиваемое Шеффером учение доктора Карла Хаусхофера о Полной земле приобретало совершенно новую силу и притягательность.

«Северный и Южный полюса никогда не были достижимыми, потому что их не существует!» – заявил однажды Эрнст, и Гиммлер почувствовал, что в его душе поднимается буря оккультного экстаза.

Шеффер с лёгкостью разбил противников теории арийского происхождения истинных немцев и доказал, что копьё римского воина Лонгина, пронзившее Христа, – отнюдь не миф и существует в действительности.

«Оно всесильно! – гремел с кафедры мощный голос молодого профессора. – А его обладатель получит власть над миром! И я его найду для моего фюрера и для процветания Германии!»

И фюрер его услышал. Шеффер был назначен начальником Тибетского отдела в недавно созданном институте «Аненербе». На его экспедиции не жалели денег даже во время войны, а любая теория профессора тут же приобретала статус аксиомы. И ведь деньги, потраченные на Шеффера, окупились! Гиммлер помнил, что когда он впервые увидел фотографии объекта «Null» и прочитал о его способностях, от возбуждения он не мог спать несколько ночей. Эрнст сдержал слово. Он нашёл копьё сотника Лонгина. Пусть и не в прямом смысле. Но это было именно то, что бросит к ногам фюрера судьбу всего мира! И ведь где нашёл? Почти под носом у русских, на северной оконечности Новой Земли. Осторожный в обращении с линкорами и тяжёлыми крейсерами после гибели «Тирпица», фюрер без колебаний выделил для операции «Wunderland» тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер».

Иногда решительность и авантюризм Шеффера ставили рейхсфюрера в тупик. К примеру, он сначала очень скептически отнесся к тому, что Эрнст принял предложение буддийских монахов на операцию по открытию третьего глаза. Сама мысль, что нужно сверлить лоб, ему была неприятна. Но Шеффер согласился с лёгкостью. И три года назад, в третьей экспедиции на Гималаи, где-то внутри горы, согласно обрядам буддистов, его посвятили в избранные. И теперь Гиммлер не мог не признать, что часто профессор замечает то, что другим не под силу. Он видит и чувствует невидимое.

Рейхсфюрер СС встал из-за стола и медленно прошёлся вдоль полки, заставленной книгами под потолок, провел пальцем по корешкам золотых фолиантов. Это была его гордость – лучшее собрание книг об ордене иезуитов. Он чувствовал их силу и всегда тянулся к ним в минуты выбора решения.

– Вы правы, Вальтер. Не будем мешать профессору. Он знает лучше нас, как ему найти путь к святыне.

Дальше радиограмма, проделав сложный и длинный путь, попала на глаза русскому разведчику в отделе связи Кригсмарине и, перевоплотившись из одной системы шифровальных кодов в другую, перелетела в Москву и легла на стол руководителя внешней разведки Павла Фитина для того, чтобы испортить настроение ещё одной, решающей судьбы людей, личности.

Нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия вошёл ранним утром в свой кабинет на Лубянке и первым делом раскрыл журнал приёма посетителей. Недовольная гримаса скривила лицо наркома. Первым в списке значился Фитин. Берия провёл пальцем по строке, прочитал тему доклада главного разведчика страны и помрачнел ещё больше. Он ещё два месяца назад был уверен, что дело о сверхсовременной подводной лодке американцев не стоит и выеденного яйца. За два месяца не появилось ни одного подтверждения достоверности этого сообщения. Лаврентий Павлович пребывал в уверенности, что поручение вождя разобраться с этим вопросом само собой исчезнет под грудой валившихся на его голову дел.

Тем более, что Коба об американской подлодке ни разу не вспомнил. Нарком планировал выждать ещё два месяца, а затем обвинить руководителя внешней разведки в паникёрстве и введении в заблуждение главных лиц страны, с товарищем Сталиным во главе. Сначала нужно было развеять авторитет Фитина в глазах вождя, а там и до врагов народа недалеко. И вот Фитин сам просится на приём с докладом о придуманной им американской лодке. Берия швырнул журнал на стол и сквозь зубы процедил секретарю:

– Скажи, пусть заходит.

Павел Фитин застыл в дверях, ожидая разрешения начать доклад. Лаврентий Павлович развалился в кожаном кресле и сквозь очки сверлил взглядом главного разведчика, напустив на лицо гримасу брезгливости и презрения. Но Фитин к такому поведению наркома уже привык и не обращал на это внимания. Наконец, Берия решил, что он достаточно красноречиво указал посетителю на его место, и небрежно бросил:

– Ну, что там у тебя?

– Товарищ нарком, – Фитин раскрыл красную, обтянутую кожей папку, и заглянул внутрь. – Донесение от нашего агента. «Пастух» предоставил новую информацию об американской субмарине.

– Что ты всё с этим козлопасом носишься? Он и тебя, и всех нас за нос водит!

– Товарищ нарком, агент «Пастух» надёжный информатор. Мы его неоднократно проверяли и всегда убеждались в точности и правдивости его сообщений.

– Почему тогда об этой лодке ничего не знает начальник ГРУ Ильичёв? Я спрашивал у наркома флота Кузнецова, и ему тоже ничего не известно. Почему?

– Не могу знать, товарищ нарком! Я полагаюсь только на собственную агентуру.

– Да какая у тебя агентура?! Одни провокаторы! Кому ты ещё показывал это донесение?

– Меркулову.

«Плохо, – подумал Лаврентий Павлович. – Мой первый заместитель не в меру самостоятелен и уже наверняка отправил докладные записки кое-кому из членов политбюро. Так, глядишь, и до Иосифа дойдёт».

– Дай взгляну, что там нацарапал твой козлопас.

Берия пробежал взглядом листок, снял очки и, подышав на стёкла, протёр их платком.

«Донесение очень конкретное. От такого не отмахнёшься. Описание лодки, размеры, указан даже необычный чёрный цвет и отсутствие ржавчины на бортах, – раздумывая, нарком поморщился и ещё раз перечитал шифровку. – Да, от такого не отмахнёшься... Немцам повезло, они захватили в плен американца. Но самое неприятное, что захватили они его в Баренцевом море. А это уже зона ответственности Северного флота. И хочешь – не хочешь, а реагировать надо».

– Хорошо. Оставь мне эту писульку. Я обдумаю посоветуюсь с товарищами, переговорю с Кузнецовым и решу, что делать дальше. Иди, не мешай работать. Но если это провокация, ты ответишь первым.

Фитин щёлкнул каблуками и направился к двери. Лаврентий Павлович подождал, пока он скроется, и потянулся к телефону.

Глава четвёртая

Самозванец поневоле

Зелёные обрывистые берега Кольского залива медленно проплывали за бортом и исчезали в тянувшемся с сопок утреннем тумане. Вздрыгнувшие из-под острого носа волны разбегались в стороны и исчезали среди чёрных, покрытых слоем мазута камней. Эсминец торопился. Укутавшись в одеяло, Максим смотрел на такую знакомую и не знакомую бухту. В Кольском заливе, как любой моряк Северного флота, он знал каждый остров, каждый выступ или прилепившийся к берегу рыбацкий дом. Но сейчас всё было не так. Умом он понимал, что между тем заливом, который ему известен до последнего камня, и этим – семьдесят лет. Но каждый раз ждал, что сейчас из-за очередного поворота появится что-то до боли знакомое. Вот остров Сальный. За ним вскоре откроется роскошная панорама столицы Северного флота – Североморска. Но на берегу лишь череда двухэтажных бараков с зенитной батареей на ближайшей сопке. Дальше Кольский залив сужается до размеров средней реки и вот-вот должен появиться Мурманск. Максим, вытянув шею, с волнением ждал следующего поворота, и вот он наконец потянулся вдоль залива – будущий город-герой. Низкорослый, деревянный, с чёрными пятнами пожаров на теле и забитым до отказа кораблями всех мастей портом. Теперь эсминец еле двигался, лавируя между навалившимися друг на друга пароходами. Он пронзительно загудел, салютуя собственной победе, подправил курс и протёрся бортом о чёрный от смолы причал.

Вот и приехали. Максим сбросил одеяло и встал, косясь на суевившихся на палубе английских матросов. После того, как они достигли берега, возле него появились двое часовых, и внимательно следили за каждым его движением. И вот сейчас они вскочили, схватившись за карабины. Максим оглядел себя. Да... вид непрезентабельный и вызывающий. Футболку, так понравившуюся Степану Горбунко, как сувенир забрали английские матросы. Серая куртка с орлом на одном кармане и знаком подводника на другом, высушенная и выглаженная англичанами, сидела будто по нему шитая. Надев её на немецкой лодке вместо мокрой робы, Максим теперь никак не мог от неё избавиться. Он несколько раз пытался её сбросить, но английский капитан был категорически против. Ничто не должно умалять его подвиг. Утопленная немецкая подводная лодка, пленный подводник, да ещё какой! Гордиться было чем. Напрасно Максим пытался объяснить, что это ошибка. Англичане, ничего не понимая, кивали и улыбались, довольные и счастливые. Несколько раз с него сбрасывали одеяло и, обступив, делали снимки на память с разных ракурсов. В общем, относились к нему пусть и как к трофею, но трофею очень ценному.

На берег упал узкий раскачивающийся трап, и Максима подвели к борту. Рядом, держа его за локоть, встал капитан эсминца. Он обвел взглядом причал в поисках журналистов с блокнотами и фотоаппаратами, но, увидев лишь бескозырки советских матросов, недовольно поморщился и подтолкнул пленника к ступеням.

Максим осторожно ступил на трап и замер. Столько злых и ненавидящих глаз он ещё в своей жизни не видел. Матросы сжимали кулаки, и до него донёсся злобный шёпот:

- Это и есть Горбун?
- Да. Сволочь, сколько он наших погубил.
- Говорят, ему сам Гитлер Железный крест дал.
- Так уж и Гитлер?
- Не знаю. Может, и не Гитлер, но говорили, что Железный крест у него есть.
- От нас он ещё и деревянный получит.

Максим спрыгнул на причал и, улыбнувшись до ушей, произнёс, протянув к матросам руки:

– Здравствуйте, товарищи, это...

В щеку впечатался звонкий и болезненный удар. Голову отбросило назад, но Максим устоял. Перед ним стоял худой и длинный, с двумя прямоугольниками в петлицах, офицер и, выкатив глаза, злобно шипел:

– Допрыгался, гнида.

Увидев, что Максим не упал, он замахнулся ещё раз, но тут у него на руках повисли два солдата.

– Товарищ майор! Нельзя! Отойдите в сторону!

– Я его сейчас пристрелю!

– Товарищ майор, отойдите от пленного! – решительно произнёс, загородив собой Максима, молодой офицер в синей фуражке.

– Я из политотдела! Убери руки, эту падлу я забираю с собой!

– Товарищ майор, мы знаем кто вы. Но мне приказано доставить его в управление, и я его туда доставлю. Освободите проход и уберите пистолет, а то я вас арестую!

Майор воткнул ТТ в кобуру и недовольно проворчал:

– Нашёл, кого защищать. Ты бы, лейтенант, так своё рвение лучше на передовой показывал.

Лейтенант покраснел и, оттеснив майора в сторону, ответил:

– Я только что оттуда, но вас я там не видел. Отойдите!

Майор неохотно посторонился и, запрыгнув на подножку открытого «козлика», хлопнул водителя по плечу:

– Поехали!

Но прежде, чем ГАЗ-67 завёлся и тронулся с места, он указал вытянутым пальцем на Максима и выкрикнул:

– А с тобой мы ещё встретимся! Не сомневайся!

Максим проводил его растерянным взглядом и, бросившись к лейтенанту, дёрнул за рукав:

– Поймите! Это ошибка! Я не тот, за кого вы меня принимаете!

– Разберёмся, – лейтенант с ненавистью посмотрел на орла на куртке Максима и угрюмо добавил: – Иди в машину, не доводи до греха.

Солдаты распахнули двери серого фургона и, втолкнув Максима внутрь, залезли следом. Грузовик заурчал и, качнувшись, тронулся с места. В маленьком окошке с решёткой промелькнул портовый кран, затем поднятый шлагбаум с часовыми, и машина запетляла по улицам города. Максим приник к стеклу. На перекрёстке стояла девушка-регулирущик с жезлом. Он встретился с ней взглядом, но она отвернулась. Затем он увидел, как, уступая им дорогу, застыл патруль с красными повязками. Матросы посмотрели на машину госбезопасности и заторопились в противоположную сторону. Низкие трёхэтажные дома стояли с заколоченными накрест окнами. На крышах из-за мешков с песком торчали стволы зенитных пулемётов. Максим почувствовал, как его охватило невыразимое волнение. Это был Мурманск, но совсем не тот, который он знал, а совершенно другой. Тот, который он видел лишь в военной хронике. И на него с новой силой нахлынуло осознание фантастичности ситуации, в которую он попал. В море это совершенно не чувствовалось. На море откатившиеся назад десятилетия никак не сказались. А теперь, глядя на фронтовой Мурманск, он не верил собственным глазам. Утопичность и нереальность ситуации ошеломила. Неужели это происходит с ним? Но ведь этого не может быть, потому что быть не может!

– Сядь в угол и не высовывайся!

Приклад больно врезался в плечо. Один из солдат опустил карабин и пересел ближе к двери. Второй со злостью взглянул на Максима и сплюнул под ноги. Казалось, они только и ждали, чтобы он выкинул какую-нибудь глупость, чтобы с чистой совестью его пристрелить. Но Максим на них не обиделся. От накатившей радости, вызванной волной ностальгии от увиденного Мурманска, пусть и не того, который он знал, Максим расплылся в улыбке и ни с того ни с сего весело заявил:

– А вы знаете, что мы, русские, победим?!

– Знаем, знаем! – засмеялись солдаты. – Смотри, как запел, гнида, когда на хвост наступили.

Грузовик последний раз качнулся и остановился. Максима вытолкнули из фургона, и он оказался перед дверью с табличкой «Управление НКВД по Мурманской области». Деревянное одноэтажное здание, укрытое маскировочной сетью, стояло в стороне от других домов. Часовой у входа схватил Максима за плечо и прижал к стене. Лейтенант выбрался из кабины и больно вдавил в спину ствол пистолета. Так они стояли с минуту, потом открылась дверь, и на крыльце появился рослый энкавэдэшник в серой гимнастёрке и с длинной свисающей на лоб чёлкой.

– Принимай, старшина! – лейтенант подтолкнул Максима к двери. – Вообще-то он смирный, но ты с ним поосторожней. Смотри, как лыбится, наверняка что-то задумал, сволочь.

Старшина молча повёл Максима по коридору и остановил у двери с надписью «Оперуполномоченный НКВД по Мурманской области, старший лейтенант государственной безопасности Фёдоров». Он постучал в дверь и с неожиданно сильным прибалтийским акцентом спросил:

– Привезли арестованного. Разрешите заводить?

– Вводи! – послышалось из-за двери.

Фёдоров стоял спиной к двери, в тёмном дальнем углу. Не оборачиваясь, он приказал старшине:

– Иди, Велло, я его сам допрошу.

– Товарищ старший лейтенант, я, если что, за дверью.

– Нет! Ты свободен. Иди, другими делами займись. И скажи, чтобы мне не мешали.

Максиму голос Фёдорова показался подозрительно знакомым. Он прищурил глаза, всматриваясь в темнеющую в углу спину.

Старшина выжидательно потоптался в дверях и, не дождавшись новых указаний, кивнул, вышел и плотно закрыл за собой дверь. Когда его шаги по коридору стихли, Фёдоров, наконец, обернулся. Сначала взгляд Максима выхватил из темноты серое галифе, потом гимнастёрку с синими петлицами, а дальше он почувствовал, что ему срочно нужна опора под пятой точкой, иначе он сядет там, где стоит.

– Старпом?.. – прошептал ошарашено Максим.

– Тс-с-с! – Долгов приложил палец к губам.

Он подошёл к двери и, приоткрыв, выглянул в щель. Коридор был пуст. Старпом закрыл её, повернув в замке ключ.

– Ты только, Максим, не шуми. Я сам как тебя в окно увидел, так не знал, как сдержаться.

– Толик, но как?..

– Долго рассказывать. Дай я тебя, Максимушка, обниму! Здоров, чертяка! Я всё тебе расскажу чуть позже, но сначала ты мне объясни: как ты оказался Горбуном?

Максим тяжело сел на кожаный диван и, не сводя восхищённого взгляда с Долгова, произнёс:

– Тоже в двух словах не расскажешь. Толик, попить дашь? А то я прийти в себя не могу. Это же надо – старший лейтенант Фёдоров! С понижением тебя в звании.

Долгов громко засмеялся и, спохватившись, прикрыл ладонью рот.

– Если бы ты знал, сколько у меня здесь власти! Наши фээсбэшники о таком и мечтать не могут. Сумели энкавэдэшники на народ страху нагнать. Мою синюю фуражку как увидят, так разбегаются, как от чумного. Свой «виллис» под окном стоит. Хотя я бы больше хотел вернуть назад свои звёздочки кап-три и старпомовскую должность в придачу. Как там наши?

– Наши в порядке. Немецкую базу нашли на Земле Франца-Иосифа. Уже взорвали, наверное.

– Да? А ну, покажи!

Долгов выхватил из-под стола рулон карты и расстелил ее, прижав графином с водой. Максим ткнул пальцем в остров Александры и удивлённо произнёс:

– Ты сейчас меня так спросил, будто настоящий Фёдоров из сорок второго года. Аж мурашки по коже.

– Да уж, – Долгов, улыбнувшись, развёл руками. – Вжился я в роль. И шпионов настоящих ловлю. Не того бедолагу, что политические анекдоты болтает или газетой «Правда» подтёрся, а настоящих, которых немцы забрасывают. Неделю назад у продскладов одного взял. Радиомаяк для самолётов ставил. Такую перестрелку устроили, что и в кино не увидишь. Тут, Максим, иначе нельзя. Идёт война, а что это такое, только и понимаешь вот здесь, когда на сложенных рядами погибших после каждой бомбёжки смотришь. С нашей лодки в море всё иначе видится.

– Да я ведь так сказал, – смутился Максим. – В смысле, что другим тебя помню.

– Все мы меняемся. А за то, что подсказал, где немецкая база, спасибо тебе огромное. От всех моряков-североморцев. Мы всё голову ломали: откуда немцы появляются так быстро, когда конвой идет? Была догадка, что есть у них точка, а вот где, не знали.

– Точка! Да там курорт с фешенебельной гостиницей и складом до конца войны! Но можешь успокоить моряков-североморцев. Её наверняка уже нет. Командир собирался уничтожить. А раз собирался, то уже, наверное, так и сделал, – Максим подёргал на кармане орла и спросил: – Переодеться дашь во что-нибудь?

Долгов осмотрел со всех сторон на Максиме немецкий китель и, похлопав по плечу, улыбнулся:

– Как по тебе шитый. Жаль выбрасывать, так что поноси ещё немного.

– Толик! Да меня чуть не убили из-за него! С кулаками бросаются! – Максим красноречиво потрогал ссадину на челюсти. – Чуть на штыки не подняли! Не хочу я быть предателем-Горбуном.

– А кем мне прикажешь тебя представить? Смотрите, товарищи! Это не Горбун вовсе, а делегат из будущего Максим Зайцев. Ваш внук! Да и я не такой простой, как вы думаете! Хорошая тема для митинга. Только его резолюция нам обоим не понравится.

– Что же делать?

– Придётся тебе, Максим, побыть немного Горбуном. Сейчас для тебя это лучшая защита. Я всем скажу, что ты в разработке НКВД. Вести твоё дело буду лично. А там что-нибудь придумаем. Я хоть и вжился в образ Фёдорова, но всё равно назад к нам на лодку хочу. Так что будем вместе выбираться.

Максим понимающе кивнул и, отлив из графина в гранёный стакан, спросил:

– А как ты оказался этим Фёдоровым?

– На танкере «Азербайджан» всё произошло... А я ведь всё-таки спас дедушку Рябина! Да... – Долгов встал из-за стола и, заново переживая события двухмесячной давности, подошёл к окну. – Лихо там всё закрутилось. И самолёты немецкие были, и торпеда была. А как в борт врзалась, так всё в мелочах помню. Такое не забудешь. Такой фонтан из масла

взлетел, что по палубе ещё несколько дней, как по катку, катались. Фёдоров этот особистом на танкере был. И его единственного торпеда достала. Я сейчас понимаю, почему капитан так испугался. За старшего лейтенанта госбезопасности не сносить бы им всем головы. Это уж точно. Хотя что рассказывай, а если все живые, а особист нет, то тут подозрение на лицо. Я долго упирался, но меня всем экипажем уговаривали. А что прикажешь делать? Людей жалко, да и вас не было. Так я и стал поневоле самозванцем. Теперь для всех я Фёдоров Арнольд Филиппыч.

– Мы тебя тогда долго искали.

– Я в этом был уверен. Конвой нас бросил. И мы, как пробойну заделали, решили пойти не по накатанному пути, вдоль границы льдов, а напрямую в Мурманск. Рискованно, конечно, но повезло. Немцы нас не заметили. А как сюда пришли, так экипаж в один голос заявил, что я и есть их особист. Документы у Фёдорова сильные были. Подписи одна страшнее другой. Да и нехватка с кадрами здесь большая. Так что никто здесь не засомневался, считай, что всё на веру приняли, и определили меня в управление области.

Долгов засмеялся и заметил:

– Хорошо, что на документах ещё фотографий не было. А то мы с Фёдоровым на братьев-близнецов никак не тянем. А вот форма как раз по размеру оказалась. А если чуть что не так, то я делаю, как делал он – тычу в нос пистолет с дарственной надписью Меркулова. Это получше любой ксивы срабатывает. Вот так, Максим, и живём – «зажигалки» тушим, да диверсантов ловим. А этого дерьма здесь хватает.

Неожиданно Долгов прислушался. Максим тоже услышал, как в коридоре скрипнул пол. Старпом осторожно повернул ключ и распахнул дверь.

– Старшина! Ну что ты всё время возле моей двери трёшься?

Долгов вышел в коридор, и Максим услышал, как он распекает подчинённого.

– Тебе больше заняться нечем?

– Товарищ старший лейтенант, – оправдывался его помощник. – Я ведь только хотел узнать, всё ли у вас в порядке. Я слышал, что Горбун очень опасный враг. Вы, если что, только скажите.

– Я тебе чем сказал заниматься? Отправь патруль к обкому партии! Проверь оцепление в порту! Я тебе ещё два дня назад говорил, чтобы ты в архив сходил и принёс мне списки арестованных за последние два года! Работы непочатый край, а ты слоняешься без дела! Или мне тебя, как ленивого кота, во всё носом тыкать?!

Максим улыбнулся. Закрой он сейчас глаза, и живо представил бы себя на лодке, а в соседнем отсеке старпома, воспитывающего бездельников. Но на старшину, похоже, выговор Долгова не произвёл особого впечатления. По-прибалтийски растягивая слова, он спокойно спросил:

– А ничего, что Горбун у вас один в кабинете остался?

– Тьфу ты! Я тебе об одном, а ты мне всё о Горбуне! Ничего! У меня решётки на окнах. Шагай отсюда, и чтобы я тебя до вечера не видел.

В коридоре послышались удаляющиеся шаги, хлопнула входная дверь. Долгов вернулся в кабинет и рухнул на стул.

– Достал он со своей заботой!

– А кто он такой? Говорит странно.

– Из сочувствующих советской власти прибалтов. Когда я здесь появился, он уже тут был. Эстонец Велло Ярви, неплохой парень. Исполнительный, и видно, что в голове не опилки. Всё на лету хватает, но прилипчив до ужаса. За мной, как телёнок ходит. Ну да ладно, теперь он точно до вечера не появится. Давай лучше я тебя сейчас накормлю.

– Давай! – охотно согласился Максим. – Англичане меня всё чаем поили, а мне бы поесть.

– Ну у меня не разносолы. Едим ленд-лизовскую тушёнку, зато в избытке.

– Толик, а сколько сейчас времени? – Максим подошёл к окну и глянул на застывшее над сопками солнце.

– Самое время, обеденное. Когда ночь, солнце в другое окно светит, напротив.

Максим посмотрел вдоль проходящей рядом с домом дороги и споткнулся взглядом о стоявший у обочины ГАЗ-67. За рулём сидел майор, которого он видел в порту, и внимательно изучающе смотрел на окна и стены управления.

– Толик! Посмотри, вот этот малахольный майор бросался на меня в порту!

Долгов подошёл и заглянул через плечо Максима:

– А-а-а... Дрожин.

– Ты его знаешь?

– Да кто же его не знает. Из политотдела, майор Геннадий Дрожин. Известный горлопан. Все митинги его. Где только какой пень увидит, так сразу начинает с него вещать, какой он преданный ленинец. От таких ура-патриотов вред один. Я таким не верю, потому что знаю народную мудрость – кто громче всех кричит, у того морда в пуху! Отойди от окна.

– Зачем он здесь? Он в порту всё порывался меня расстрелять.

– Ну вот! А ты спрашиваешь – зачем он здесь?

Максим осторожно задёрнул штору и вернулся на диван.

На столе появились открытые консервы и нарезанный крупными ломтями чёрный хлеб. Долгов открыл сейф и достал пузатую бутылку.

– Французский коньяк. По ленд-лизу и такое поставляют. Ну, давай за встречу и удачное возвращение! Мне доложили, что ты искупался?

– Да. Тоже, скажу тебе, ощущение не из приятных.

– Ну тогда ещё и в лечебных целях. Много тостов на одну рюмку, но мне больше нельзя. Сегодня ночью хочу у продскладов засаду сделать. Немцам он никак покоя не даёт. Всё стараются город впроголодь оставить, а не получается. В сопках пещеры есть, так все запасы там укрыли. С воздуха не видно, а чтобы поджечь, нужно прямое попадание. Вот они и посылают одного за другим диверсантов с радиомаяками.

Максим поспешил выпить коньяк и набросился на еду.

– Вкусно! Смотрю на тебя и глазам не верю – ты как настоящий чекист. Суровый взгляд, стальной голос, на боку ТТ.

– Хотелось бы, хоть на время стать настоящим.

Долгов порылся в сейфе и бросил на стол папку.

– Да только чувствую, что синей фуражки и пистолета здесь мало. Смотри! Вот это всё шифровки какому-то «профессору». Засел, сволочь, где-то в верхах. Или в штабе Северного флота, или здесь, в местной власти. Потому что всегда в курсе всех дел. Наши дешифровщики головы ломают над шифром, а как только что-то начинает получаться, он тут же шифр меняет. Как знает.

– Не зря, наверное, «профессором» назвали.

– Да уж, не дурак. Но мне от этого не легче. Откуда только не звонят, спрашивают: когда поймаю? Дня не было, чтобы из разведотдела флота не позвонили. Я их понимаю, начальника разведки сам командующий Северного флота вице-адмирал Арсений Головкин топчет. А он хоть что-то у меня пытается узнать. Но мне похвастаться нечем. Хотел бы помочь, а не могу. Думаю, где-то у них, в штабе флота, течёт. Только какой-нибудь корабль собирается из залива выйти, его тут же лодка или эсминцы поджидают. Что делать, ума не приложу. Погоняться за диверсантом – на это меня ещё хватает. А вот, чтобы разыграть шахматную партию с «профессором», на это не хватает ни опыта, ни мозгов. Тут хитрость нужна, с виртуозной радиоигрой или подставой на живца. А это уже другой уровень. Ты говоришь – «как настоящий». Далеко мне до настоящего. Ну да ладно! – Долгов поднял рюмку, чтобы чокнуться

с Максимом, но, увидев, что опоздал, выпил и потянулся за ломтиком хлеба. – Не будем о грустном. Расскажи мне, как там, на лодке? Кто за меня старпомом?

Максим с сочувствием взглянул на старпома и, отставив банку тушёнки, ответил:

– Штурман с помощником поделили. Я вдруг подумал – а кто же за меня теперь будет? Я же не собирался покидать лодку и замену не подготовил.

– Не переживай, что-нибудь придумают. А как там наш немец?

– Отто? Отто в порядке. По-русски уже неплохо говорит. Всё время возле меня в БЧ-7 крутится. Он шумы лодок и кораблей на слух хорошо определяет. А с нашей аппаратурой – так ему вообще цены нет. Так что помогает...

Максим умолк, и в кабинете повисла пауза. Наконец, решившись, он спросил:

– Толик, ты думаешь – это с нами навсегда? Мы так и будем воевать, и шпионов ловить? Домой нам дорога заказана?

– Поверишь, дня не было, чтобы я об этом не думал. Ни весточку не пошлешь, ни словцо, что жив. Флот, ясное дело, нас уже списал, а вот семьи... У меня Димка в первый класс должен идти. Это же святое дело – отцу за руку сына в школу отвести. А он что же у меня, как сиротка?

Долгов вздохнул, и они надолго замолчали. Каждый задумался о своём, хмурясь от безрадостной перспективы. Наконец, старпом не выдержал и произнёс голосом, полным уныния и тоски:

– Умеешь ты, Максим, настроение испортить. Давай ещё по одной, а то на душе кошки скребут.

Но выпив и по второй, настроения они не улучшили. Старпом меланхолично, с невидящим взглядом, перебирал бумаги на столе и, предавшись воспоминаниям, тяжело вздыхал. Максим крутил в руках пустую рюмку и тоже полностью ушёл в собственные мысли. Долгов первым не выдержал самоистязания и встал, с грохотом опрокинув стул:

– Пойду я! Пора! Я тебя, Максим, в камере закрою, рядом с кабинетом. Так и мне спокойнее будет, и тебе безопасней. Возьмёшь тулуп, чтобы мягче было. Выпись, отдохни, а завтра, на свежую голову, будем думать, что дальше делать. Я утром вернусь. Ты не переживай, здесь ты как в крепости будешь. Никакой Дрожин не доберётся. А тоску нагонять не надо! А то мы с тобой сопьёмся.

Долгов вышел из кабинета и рядом лязгнула железная дверь. До Максима донёсся раздражённый голос старпома:

– Сколько просил, чтобы сменили лампочку! Иди сюда, будем тебя устраивать!

Глава пятая

Разведчики и шпионы

Листок шифровки вспыхнул, и тонкая бумага тут же превратилась в пепел. Эрнст Шеффер растёр пепел пальцами и смыл его в луже под ногами. Откатив из угла камень, он положил в выемку аккуратно упакованную рацию и поставил камень на место. Вода из повреждённого водопровода растеклась по всему подвалу, и зайдя кто-нибудь в развалины дома, он тут же услышал бы шлёпанье шагов. Место было хорошее. Надёжное. Эрнст рассыпал на пол хлебные крошки, и прикормленные крысы тут же ринулись из всех щелей. Загляни теперь кто сюда, то увидел бы полную иллюзию того, что здесь уже несколько месяцев не ступала человеческая нога. Грязь, сырость, и лишь хозяйничают непуганные крысы. Шеффер отряхнулся, поправил фуражку с тусклой кокардой и выглянул из подвала во двор. Никого. Выбравшись на свет, он ещё раз внимательно осмотрел форму, стёр с галифе след от сажи и уверенно вышел из подворотни на улицу. Два матроса, поздно заметив его, торопливо отдали честь и поспешили посторониться с дороги. Профессор рассеянно кивнул им в ответ и задумчиво пошёл вдоль стены дома. Было над чем подумать. Вчера он передал шифrogramму о том, что в руки русских попал ценный специалист по работе с подводными лодками, известный как Горбун. Наверняка много знающий. Скоро он начнёт говорить, и тогда Кригсмарине будет нанесён непоправимый ущерб. Обрисовав общую обстановку, Шеффер добавил, что имеет возможность ликвидировать Горбуна, как крайне опасный источник информации для русских. Но ответ из центра его немного озадачил. Профессору запрещались какие-либо действия, ставившие под угрозу его собственную безопасность. Центр запрашивал оценку возможности спасения Горбуна с использованием помощника. Шеффер понял, откуда взялась такая забота об этом русском. Наверняка, приложил руку адмирал Дёниц. Папу Карла всегда волновало всё, что хоть как-то могло помочь его подводным лодкам. Затем мысли профессора переключились на помощника, и он брезгливо поморщился. Скользкий и мерзкий тип. Завербованный ещё в начале войны, помощник с рвением и старанием выполнял все задания, но Шеффер ему не верил. Он видел отснятые кинокамерой кадры, на которых помощник с блуждающей ухмылкой на лице расстреливал в затылок пленных русских. Делалось это для того, чтобы отрезать агенту путь назад. Вздумай он переметнуться, и киноплёнку тут же подбросят русским. Но ни на секунду профессор не сомневался, что изменилась ситуация, и с такой же блуждающей ухмылкой помощник выстрелит в затылок ему.

Мимо проехала колонна грузовиков с городским ополчением и скрылась за поворотом.

«Едут за город рыть траншеи» – отметил про себя Шеффер и задумался.

Многое изменилось с тех пор, как он был здесь последний раз. В сороковом году он обошёл с экспедицией весь русский север на вспомогательном крейсере «Комет». Да, тогда всё было иначе. Мурманск был цветущим и стремительно развивающимся городом. На борту корабля непрерывно разносились тосты и песни: русский и немец – братья навек! На улицах горожане останавливали матросов с крейсера и норовили затащить к себе в гости. На хлебосольных застольях он набрал лишний десяток килограммов. А сколько его печень перекачала водки с русскими геологами у костров, так это и не вспомнить. Тогда-то он впервые заподозрил существование волшебной земли. А поход вспомогательного крейсера к берегам Новой Земли подтвердил его догадки.

Оглянувшись, Шеффер вошёл в заброшенный городской парк. В центре, у пустого фонтана, зияла воронка от бомбы. Рядом повалился посечённый осколками салютующий пионер. Шеффер переступил через скульптуру и направился к покосившейся карусели. Небольшая калитка для пропуска отдыхающих была закрыта. Он с усилием толкнул её, и по

парку разлетелся скрип железа. Калитка застряла в крайнем открытом положении. Для верности Шеффер подпёр её камнем. Это был условный сигнал. Теперь его помощник узнает о необходимости встречи.

За дверью зазвенела связка ключей, и в камеру ворвался свет из коридора. Максим заворочался и, отгоняя остатки сна, свесил с нар ноги.

– Вставай, – недовольно проворчал старый солдат в вылинявшей и потерявшей цвет гимнастёрке. – Слишком добрый наш старший лейтенант. Я бы тебе не то что тулуп не дал, а даже нары от стены не отстегнул бы. Спал бы ты у меня на полу, как собака, где тебе и место. Пошли. На допрос вызывают.

Дождавшись, пока Максим, потягиваясь, натянет ботинки и выйдет из камеры, он постучал в соседнюю дверь и спросил:

– Арнольд Филиппыч, разрешите арестованного заводить?

– Давай, Кузьмич! – послышался голос Долгова. – Сам можешь идти. Там пайки выдают. Отнеси семье.

Дождавшись, когда за Кузьмичом хлопнула входная дверь, Долгов спросил:

– Как спалось на новом месте, Максим? Смотрю – отдохнул, порозовел.

– Отлично. А ты как?

– А никак.

Только сейчас Максим обратил внимание, что старпом сидит за столом осунувшийся, с потемневшим лицом и мешками под глазами.

– Давай чаю попьём, – потянулся за чайником Долгов. – А то глаза слипаются.

– Ну как твои шпионы? – попытался пошутить Максим.

– Шпионы? Шпионы шпионят. Хотя, честно сказать, я всегда был против такой постановки вопроса, что если наш там, то он разведчик, а если ихний у нас, то он шпион. И тот, и другой одно дело делают.

– Ну, я к тому, что – поймал диверсанта на складах?

Долгов со злостью стукнул кулаком по столу так, что пустой стакан подпрыгнул и перевернулся.

– Чуть было не поймал! Да этот мудак всё испортил!

– Это который?

– Да твой старый знакомый Дрожин. Как он там раньше меня оказался? До сих пор не пойму. Спугнул диверсанта. Хорошо, что я хоть радиозакладку нашёл. Смотри, до чего немцы додумались.

Долгов поднял с пола и положил на стол увесистый серый булыжник. Максим удивлённо поднял брови и провёл пальцем по грязной поверхности. Таких камней на дорогах уйма. С той лишь разницей, что из этого булыжника свисал полуметровый провод в такой же непримечательной серой оплётке.

– Послушай, Толик! Я вот тут лежал на нарах и думал о твоём профессоре. Часто ведь бывает, что клички агентам дают по его реальной профессии. Я об этом читал. Вдруг он и вправду профессор? Ну, может, преподавал до войны, или в институте работал.

– Конечно! А теперь этакий старикашка с козлиной бородкой и тросточкой бегаёт и радиозакладки подбрасывает. Не вяжется. Если помнишь, в комедии «Джентльмены удачи» главный авторитет звался доцентом. Тоже, наверное, из академии сбежал.

– Я ведь так, мысли вслух. Я же помочь хотел.

– Нет, Максим, засел где-то здесь матёрый волк. Обидно, но чувствую, что нам он не по зубам. Всегда на шаг впереди.

Неожиданно в коридоре послышалась возня и возмущённый голос часового:

– Нельзя сюда! У товарища старшего лейтенанта сейчас допрос.

Вмешался голос с сильным акцентом эстонца Ярви:

– Товарищ капитан второго ранга, подождите, я сейчас доложу!

– Ничего, он меня и так примет!

Максим, заволновавшись, посмотрел на Долгова. Но старпом был невозмутим. Узнав голос, он полез в стол и достал ещё один чайный стакан. Дверь распахнулась, и на пороге застыл невысокий офицер в морском кителе со стоячим, подшитым белой тканью воротничком, и чёрной фуражке. Из-за него показался эстонец и, извиняясь, развёл руками:

– Товарищ старший лейтенант, я не успел...

– Ничего, старшина, Александру Ивановичу я всегда рад.

– Так вот какой здесь допрос! – сдвинув фуражку на затылок, покосился на Максима моряк. – Чаи гоняете!

Долгов невозмутимо налил кипятка в третий стакан и указал на стул.

– Присаживайся, Александр Иванович. А ты как думал? Я допрашиваю с закатанными рукавами и по локоть в крови? Давай и ты с нами чаю попей.

Моряк не сдвинулся с места и, взглянув на орла, раскинувшего крылья на груди Максима, спросил:

– Это он?

– Да.

– Я вот к тебе с какой просьбой, Арнольд Филиппыч, – Александр Иванович, наконец, решился и присел на стул рядом с Максимом. – Я знаю, что Горбуна передали в ваше ведомство и его дело ведёшь ты. Так вот, я тебя прошу – отдай его нам!

– Да чего вы все с этим Горбуном как с ума посходили! Политотдел не может успокоиться, теперь вы!

– Политотдел?

– Да. Дрожин всё кругами ходит.

– А-а... Ну Дрожин – это ещё не политотдел. Арнольд Филиппыч, ты же знаешь, что немцы конвой готовят! Не можем мы его пропустить. А всего не знаем. Мы бы из твоего Горбуна живо всё вытрясли. Чаем бы не угощали.

Долгов поморщился, представив, как бы моряки добывали у Максима сведения о конвое.

– Нет, Александр Иванович, он останется у нас.

– Да у вас и так забот полон рот! Лучше бы «профессора» поймали! Всё на месте топчесь!

– Ничего, поймаем. Одно другому не мешает.

– Я это слышу уже не одну неделю. А воз и ныне там!

Долгов задумался и, напустив на себя таинственности, голосом заговорщика произнёс:

– Ладно! Нельзя, но тебе, Александр Иванович, скажу. Приготовили мы западню для «профессора», и скоро он непременно туда свалится. Только это между нами.

– Да? – моряк с сомнением посмотрел на старпома. – Хотелось бы верить...

– Не сомневайся. А Горбун и с нами прекрасно работает. Вот базу немецкую на Земле Александры раскрыл. Да я вам в штаб донесение отсылал. Или не видел ещё?

– Видел, – недовольно проворчал Александр Иванович. – Только это ещё проверить надо.

Окончательно успокоившись, он позвенел ложкой в стакане и, положив фуражку на колени, произнёс:

– Кстати, о «профессоре». Не знаю, поможет ли тебе это, но у нас агентура тоже работает. Так вот, появились сведения, что он действительно профессор. И страну нашу хорошо знает, и язык.

– Может, он русский?

– Может, и русский.

Максим улыбнулся одними уголками рта и опустил глаза. Александр Иванович неприязненно взглянул на него и обратился к Долгову:

– Ты посторонних убери, нам с тобой с глазу на глаз поговорить надо.

– Старшина, уведи его пока в камеру, – Долгов кивнул неподвижно застывшему в дверях эстонцу. – И закрой поплотнее за собой дверь.

Капитан второго ранга пересел поближе к старпому, оглянулся на дверь и перешёл на шёпот:

– Я тебе одну историю расскажу. Только сначала ещё кое-что о «профессоре». Наш агент также сумел узнать, что твой «профессор» прошёл медицинскую подготовку номер четыре.

– А это ещё что такое?

– Не знаю. Тут всё как в тумане. Так вот, послушай теперь обещанную историю. Может, об этом что и сам слышал, так подскажешь. Почти год назад, в декабре, под Москвой, кажется, под Можайском, наша часть отбила у немцев железнодорожную станцию. А на платформах стояли сверхтяжёлые орудия для обстрела Москвы. Радость по этому поводу была большая. Многие под ордена уже на гимнастёрках дырки кололи. Но немцы орудия назад отбили. Вроде бы ничего необычного. наших солдат вместо наград под суд отдали. Разбирательств много было. Но интересно не это, а то, о чём солдаты в показаниях говорили. Все как один утверждали, что атаквали их эсэсовцы в чёрных куртках, налегке, несмотря на мороз. Все рослые, крепкие. В атаку бежали молча, огромными прыжками. На наш огонь не обращали никакого внимания. Первый ряд прорвали в несколько секунд. За ним второй. А дальше наши солдатики не выдержали и побежали. Небольшой отряд немцев сумел обратиться в бегство целую часть. Ну, а дальше и вовсе чудеса начинаются. Многие, дескать, собственными глазами видели, как пули попадали в немцев, но те не обращали на них внимания. Дёргались от удара и дальше бежали, хотя потом и падали замертво. И всё молча. Бесстрашные и лютые. Один солдат божился, что эсэсовец у него из рук трёхлинейку вырвал и разбил об рельс как палку. Сам он чудом спасся. Не знаю, где здесь правда, а где вымысел трусивших солдат. Но у этой истории было продолжение. Интересно?

– Ещё как.

– Вот и мне интересно. Ты бы запросил по своим каналам, да со мной поделился. Знаю, что обследовали эсэсовцев ваши медики. Немцы, конечно, не бессмертные были. Были и среди них потери. Всех погибших эсэсовцы собрали и тут же в Германию отправили. Но, видно, и у них сбои бывают. Почему-то троих вывезти не смогли. И тайно в лесу захоронили. Где – видели местные мальчишки. А этим летом заинтересовалась этой историей ваша служба. Я к чему тебе, Арнольд Филиппыч, это рассказываю? Вдруг знаешь чего? Хоть намекни. Я, как услышал об этом, так сон напрочь потерял. Потому что дальше вообще чудеса начинаются. Так знаешь чего?

– Нет. Впервые об этом слышу.

– Жаль, – тяжело вздохнул Александр Иванович.

– Ну, а дальше-то что?

– У одного из них в кармане солдатская книжка оказалась. Обычная, эсэсовская, только запись в ней была добавлена, что прошёл он медицинскую подготовку номер четыре и относится к специальному двадцать второму отряду СС.

Долгов шумно выдохнул. Позабыв об остывшем чае, он встал, не заметив оставленный Максимом стул, споткнулся и, чертыхнувшись, выглянул в коридор. За дверью никого не было. Он вернулся за стол и, вытерев платком лоб, произнёс:

– Ну ты, Александр Иванович, напустил туману. Аж мурашки по коже.

– Но и это ещё не всё. Дальше у меня язык не поворачивается рассказывать.

Долгов потянулся к стакану и застыл с вытянутой рукой. Позабыв о чае, он подпер кулаками подбородок и посмотрел на Александра Ивановича, разволновавшегося от собственного рассказа и нервно теребившего фуражку.

– Когда этих троих достали, то тщательно обследовали. Здоровенные мужики! Сапоги не меньше сорок шестого размера, и у всех во лбу дырки!

– Раненые были, их и добили, – пожал плечами Долгов.

– Да нет же! Это мне один из ваших рассказывал, когда я в Москве был. Он в этой комиссии тоже работал. У всех троих просверленные отверстия в центре лба!

– Может, уже кто после поглумился над черепами?

– Опять не то! Делали им это при жизни, потому что кость уже заросла.

Долгов подошёл к окну и открыл форточку. Показалось, что в кабинете заметно поднялся градус. Александр Иванович тоже вытер рукавом кителя лоб и расстегнул верхнюю пуговицу.

– Я к чему тебе это всё рассказал? Ты узнай у своих. Уж больно история интересная. Не даёт мне покоя. Я ведь к тебе совсем по другому поводу пришёл, а сам видишь, ни о чём больше говорить не могу. Вообще-то я к тебе за Горбуном. Может, все-таки отдашь?

– Нет, Александр Иванович, самим нужен. Ты не переживай, я, как что узнаю, так сразу тебе сообщу.

– Ну, да ладно. Ты, Арнольд Филиппыч, мужик толковый, на тебя только и надежда. По чести сказать, ты даже и не похож на других чекистов. Потому к тебе и обращаюсь. Нельзя нам этот конвой пропустить. Закрепятся немцы, не выбить нам их тогда с Севера.

– Не сомневайся, не пропустим. Ещё не знаю, как, но чувствую, что помогу тебе. Мы ведь с тобой, хоть и разным начальникам служим, но дело одно делаем. Так что дадим немцам по зубам, это уж точно!

– Дай-то бог, дай-то бог..., – встал из-за стола Александр Иванович. – Спасибо за чай. А с этим предателем ты не миндальничай, встряси из него всё, что нужно, и к стенке.

– Хорошо, встрясу!

Долгов засмеялся и встал проводить гостя.

На пороге Александр Иванович остановился и, заглянув в глаза старпому, с волнением в голосе спросил:

– А сам как думаешь? Может быть эта история правдой, или солдатская байка?

– Наверное, может. В жизни и не такое ещё бывает. Рассказывали, что люди из одного времени в другом появлялись и вместе со своими дедами воевали.

– Ну это ты загнул! – захохотал Александр Иванович. – Весёлый народ в твоей конторе, если такие анекдоты травит! – хлопнув старпома по плечу, он надел фуражку и шагнул за дверь – Пойду я. Дел по горло.

Долгов проводил гостя задумчивым взглядом и крикнул в коридор:

– Эй, кто там?! Приведите арестованного на продолжение допроса!

Максим осторожно заглянул в кабинет и спросил:

– Ушёл?

– Ушёл.

– А кто это был?

– Начальник разведки Северного флота Акатов.

– А-а... Суровый мужик. А чего ты будто мешком прибитый?

– Да наслушаешься тут жутких историй...

– Это о немецком конвое?

– Что? Ах, конвой... И это тоже, как заноза в заднице. Не представляю – как морякам помочь?

Максим потрогал свой остывший недопитый чай и потянулся за чайником.

– На лодке как раз время утреннего чая.

– Слушай, Макс! – встрепенулся Долгов. – А ведь это идея! И я уже о ней думал. А что если нам к разгрому конвоя привлечь «Дмитрия Новгородского»?

Максим поперхнулся и, стряхнув с куртки чайные брызги, спросил:

– Сам-то понял, что сказал?

– Моряки ведь уйму народа положат! А нашим это – плёвое дело. Я ведь сводки читал, как наши «Тирпиц» уничтожили. Правда, немцы так и не поняли, что произошло. Утверждали, что на mine подорвался, а затем боекомплект взорвался.

– Конечно, только бы и нам ещё на лодку перебраться. У тебя, наверное, и план есть? Или спрятанный в сопках вертолёт? Да и он не поможет. Нашего «Дмитрия» ещё надо найти.

От собственной идеи Долгов разволновался и, потирая руки, расхаживал по кабинету гигантскими шагами. Вдруг он остановился напротив Максима и, ткнув ему в грудь пальцем, твёрдо заявил:

– И сделаешь это ты!

– Вертолёт я не умею водить, – смущённо улыбнулся Максим.

– Да при чём здесь вертолёт?! – не понял шутку Долгов. – Неужели ты не думал, как нам на лодку вернуться?

– Сегодня ночью думал.

– Это хорошо, что думал. Значит, мы с тобой оба мыслители. И что ты придумал?

– Да ничего в голову не лезет.

– А вот мне залезло. Мы с ними по радиации свяжемся!

– Толик, не выйдет. Нас сразу запеленгуют. И немцы, и русские. Навредим и себе, и лодке.

– И об этом я подумал. Ты в цирке был?

– Случалось. А что, приглашаешь?

– Да перестань ты! Я ведь серьёзно. Ты видел, как собака примеры решает? Ей дрессировщик табличку показывает – два плюс два, а она четыре раза гавкает.

– Было и такое, кажется.

– А в чём фокус, знаешь?

Окончательно сбитый с толку Максим, едва успевая поворачивать голову вслед за бегущим по кабинету Долговым, неуверенно ответил:

– Наверное, математику знает.

– Кто, собака? Ну, темнота! В кармане у дрессировщика резиновая груша с ультразвуковым свистком. Сколько раз он на неё нажмёт, столько она и лает. Зрители свисток не слышат, а собака слышит, так как у неё звуковой диапазон пошире нашего будет. Теперь понял, о чём я? Связь улавливаешь?

– Ещё нет. Нам нужна собака?

Долгов остановился и недоверчиво посмотрел в лицо Максиму.

– Ты что, и вправду ничего не понял? Или это мы так шутим? Это хорошо. Потому что в Мурманске стоит очередь из желающих поставить тебя к стенке! А ты шутишь – это хорошо. Значит, с делом справишься. – Старпом схватил его за руку и потащил к окну: – Смотри! Это антенны нашего передающего радиоузла. Мощность хорошая – с Москвой можно связаться. А ты ведь у нас кто? Ты гений радиоэлектроники! Что тебе стоит порыться в радиостанции и расширить диапазон частот до таких, чтобы сейчас их ещё не знали и не смогли прослушать, а на лодке приняли? Это и будет наш ультразвуковой свисток!

– Не получится, – Максим виновато посмотрел на Долгова и отрицательно мотнул головой. – Да и какой из меня гений? Так, баловство. Разве что могу тиристор от диода отличить.

– Не скромничай. Я и этого не могу.

– Пустой номер.

– Не пугай меня! Я с этой идеей всю ночь в засаде просидел. До меня когда эта мысль дошла, так я про диверсантов и думать не мог. А ты говоришь – пустой номер! Максим, это наш единственный шанс вернуться на лодку. А если нет, то так и будем изображать – я особиста, а ты Горбуна, пока тебя как предателя не расстреляют, а меня не разоблачат. И после разоблачения тоже, наверное, расстреляют.

Максим сел на диван, и сцепив пальцы, подпёр подбородок. Глядя на ошеломленного Долгова, он удрученно ответил:

– Не получится, Толик. Если бы это было возможно, умельцы этого времени додумались бы до такого усовершенствования и без нас. Ещё нет тех радиодеталей и тех возможностей. Рация ведь на лампах! О транзисторах ещё никто и не слышал, не говоря о микросхемах. Да я и в радиолампах мало что смыслю.

Но Долгова так легко загнать в угол оказалось невозможно. Он сел напротив Максима и елеинным голосом, как воспитатель с распустившимся сопли малышом, взяв его за плечи, произнёс:

– А придётся, Максимушка, придётся. И радиолампы освоим, и диапазон радиостанции расширим. А иначе – ласты в угол! Ты же этого не хочешь? И я не хочу. Что от меня зависит, так я наизнанку вывернусь, но уж и ты постарайся.

– Толик, да кто мне даст радиостанцию перепаявать?

– И это продумано. Для всех ты Горбун. А от меня все ждут, что я из тебя бесценную информацию буду вытягивать. А что у нас на выходе? Да ничего! База на Земле Александры не в счёт. Этого мало. А больше ты ничего и не знаешь. Потянем ещё день, другой, а потом мне скажут, что я бездарный следователь, и заберут тебя к парням посерьёзней. У меня, Максим, тоже своё начальство имеется. Целый майор государственной безопасности, с кабинетом в обкоме партии. Я ему стараюсь на глаза не попадаться, и он меня пока не дёргает. Но это пока. И вот что я придумал! Доложу всем, кому надо, что Горбун согласился вести с немцами радиоигру. Мол, хотим дезинформацию в штаб Кригсмарине запустить. Это нам даст возможность без подозрений днями просиживать в радиоузле. Придумаешь какую-нибудь блок-приставку к радиостанции. Поработали с лодкой – спрятали.

– От тебя информацию о работе будут требовать.

– Придётся из пальца чего-нибудь высасывать. Нам главное – время выиграть. Свяжемся с лодкой, а там придумаем, как к нашим переметнуться.

Долгов выжидательно замолчал. Молчал и Максим. Наконец, старпом не выдержал и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.